

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ЧУЖАЯ
ПУТЕВОДНАЯ
ЗВЕЗДА

Успевай все!
Жизнь полна только
тогда, когда она бьет
вокруг тебя живым
ключом.

Желание женщины

Людмила Мартова

Чужая путеводная звезда

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Чужая путеводная звезда / Л. Мартова — «Эксмо»,
2018 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-097179-4

Чтобы поскорее забыть о неудачном романе, Марьяна отправилась в тур по Средиземноморью на шикарной суперсовременной яхте. На борту она узнала, что круиз будет особенный – путешественники должны представить себя сыщиками и расследовать предложенное организаторами дело. Однако все пошло не по плану: преступления стали происходить одно за другим, и придуманный детектив обернулся для туристов самым что ни на есть реальным! Но Марьяне повезло – в напарники ей достался капитан яхты, неотразимый красавец Олег Веденеев, одинокий морской волк...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097179-4

© Мартова Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Людмила Мартова

Чужая путеводная звезда

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

*С благодарностью адмиралу Вячеславу Алексеевичу Попову,
разъяснившему мне азы морской науки*

«А время – оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта. И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь... Время – плохой доктор... Заставляет забыть о боли старых ран, нанося все новые и новые... Так и ползем по жизни, как ее израненные солдаты... И с каждым годом на душе все растет и растет количество плохо наложенных повязок...»

Э. М. Ремарк

* * *

Человек не может безнаказанно украсть чужую жизнь. Не может, не может, не может. И тем не менее это чудовище именно так и поступило. Я пытаюсь не отомстить, нет, я пытаюсь отстоять свою веру в то, что зло должно быть и будет наказано. Пока перевес сил явно на стороне зла. Но я не сдамся. Я положу этому конец. Осталось совсем немного.

Глава первая

Море требовательно толкалось, пихало белоснежную красавицу-яхту в безупречный бок, не давая забыть о себе ни на минуту. Яхта и не забывала, хоть и была привязана к причалу, но послушно взмывала вверх и опускалась вниз, выполняя указания моря, лучшего дирижера на свете.

«А волны бились о борт корабля», – вспомнился Марьяне бородатый детский анекдот про Вовочку. Вся «соль» анекдота была в том, что мальчик спрашивал значение слова «аборт», поэтому плещущие сейчас совсем рядом волны ударили прямоком в сердце, заставив его пропустить такт. Марьяна болезненно поморщилась и сглотнула подступившие слезы. Во рту стало солоно, как будто она хлебнула морской воды. Может быть, зря она поехала в этот круиз? Может быть, зря понадеялась, что здесь, на море, под ласковым солнцем, о котором она так мечтала нынешним незадавшимся летом, ей станет хоть немного легче?

А вдруг не станет? Ведь за совершенные преступления нужно нести наказание, достаточно суровое для того, чтобы можно было искупить свою вину, взятый на душу грех. Почему же она решила, что ей уже должно стать легче? Нет, чаша страданий еще явно испытана не до дна. А значит, и попытка сбежать из повседневной реальности обречена на провал. На поражение. Она, Марьяна, потерпела поражение во всем. Что ж, пора это признать и начинать строить свою жизнь заново, восстанавливая ее из острых обломков, оставшихся на месте прошлого. И радоваться, что ее не погребло под руинами насовсем.

Марьяна отошла от края палубы, чтобы не видеть будто бы насмехающегося над ней моря, села в удобный шезлонг и прикрыла глаза, прислушиваясь к бушующей внутри боли. Мимо прошлепали чьи-то босые ноги, но ей было лень открывать глаза, чтобы посмотреть, чьи именно.

Кроме нее, на корабле пока было совсем немного народу. Круиз, как гласил рекламный буклет, был рассчитан на двадцать человек, включая пять членов экипажа. Прилетев в Барселону сегодня утром, Марьяна сразу же отправилась на яхту, потому что глазеть на городские достопримечательности была совершенно не в силах. Да и не любила она Барселону. Город этот и в лучшие времена оставлял ее совершенно равнодушной, а уж сейчас и подавно. Сейчас она вообще была равнодушна ко всему, кроме плещущейся в душе черноты.

Встретивший ее помощник капитана представился Валентином, проводил в одноместную каюту, помог донести вещи, объяснил, где кают-компания, она же столовая и бар, рассказал, что встреча с капитаном и организатором тура состоится в семь вечера, и откланялся.

Спросить, кто из пассажиров уже прибыл на корабль, Марьяна поленилась. Какая ей разница... Разобрала чемодан, нацепила купальник и легкую тунику и поднялась на верхнюю палубу, где, кроме нее, уже располагался в шезлонге импозантный немолодой дядечка, на ее появление, впрочем, никак не отреагировавший. Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

Босые пятки резво снова пробежали мимо, и Марьяна все-таки открыла глаза. Мимо нее промчались две девочки-подростка, лет по пятнадцать. Одна светленькая с хвостиком на макушке, другая темненькая, с волосами, забранными в аккуратный пучок, как у тех, кто занимается танцами. Первая чуть полненькая, но ладная, а вторая – совсем как фарфоровая статуэточка, тонкая и изящная. Обе были настолько полны внутреннего огня, прорывавшегося через каждое движение, что Марьяна невольно залюбовалась, наблюдая, как они бегут по палубе, едва касаясь ладонями поручней. Юношью, бездумной, беспроблемной юношью веяло от этих девочек, и Марьяна снова зажмурилась, чтобы не расплакаться. Ее пятнадцать лет были так далеко, что и не рассмотришь.

– Оля, Тоня, мы сейчас уходим, – откуда-то послышался женский голос, требовательный, чуть хриплый, полный той самой женской манкости, на которую обычно так падки мужчины.

– Идем, тетя Рита, – откликнулась одна из девочек, та, что постройнее, темненькая. – Мы во сколько вернемся, что мне маме сказать?

– Твоя мать в курсе, что мы возвратимся к ужину, – в женском голосе слышалось скрытое недовольство. – Давайте быстрее, девочки, нас такси ждет.

Снова слышался топот быстробегающих ног, девичий смех, и все стихло. Марьяна попыталась вернуться в состояние привычной погруженности в себя, но не успела. По лестнице поднялась стройная женщина с милым, немного усталым лицом, приветливо поздоровалась, присела в соседний шезлонг, поправила широкополую шляпу, мешающую определить возраст владелицы, подставила лицо солнцу, блаженно вздохнула и тоже закрыла глаза.

– Хотя немного побыть в тишине, – пробормотала она, распахнула глаза и требовательно уставилась на Марьяну. – Дети – это прекрасно, но совершенно невыносимо, вы не находите?

Дети были опасной темой, развивать которую Марьяна хотела меньше всего на свете.

– Любая возможность отдохнуть – это прекрасно, – поспешно сказала она. – Вы в круиз? Как и я?

– Ну, наверное, все в круиз, раз уж мы здесь, – мелодично засмеялась женщина, стащила с головы шляпу, встряхнула непослушными кудряшками, тут же заскакавшими вокруг головы, как сорвавшиеся с привязи солнечные зайчики. Без шляпы было видно, что ей уже под сорок, не меньше. Впрочем, тонкие морщинки вокруг глаз не портили ее совершенно. Назвать даму красавицей язык не поворачивался, но в ней определенно чувствовались стиль и то, что принято называть породой. – Все удивляюсь, и как я дала себя уговорить на это безумие? Кстати, давайте знакомиться. Меня зовут Елена Михайловна. Можно просто Елена.

– Марьяна. Вы здесь с дочерью?

– С семьей. С мужем и дочерью. И еще его дочерью. Впрочем, это неважно. – Смутная тень пробежала по ее лицу и сменилась непонятной ухмылкой. – Важно, что девочек забрали на экскурсию, и можно провести время в тишине. Нет, все-таки подростки – это очень утомительно.

Она снова натянула шляпу, откинулась на спинку шезлонга и закрыла глаза. Немного поразмыслив, Марьяна решила, что это и к лучшему. Заводить навязчивые знакомства ей не хотелось.

– Сок или, может быть, холодного шампанского? – На палубе появился стюард (черные брюки, белая рубашка), державший поднос с запотевшим кувшином, в котором тягуче переливался сок, кажется, апельсиновый. – Я принесу все, что скажете. Вода, пиво, швепс?

Мужчина, сидевший на самой корме, встрепенулся, зашевелился, встал со своего шезлонга и тут же сел обратно.

– Если можно, мне пива, – сказал он хрипло и даже откашлялся, чтобы вернуть голос.

«Видимо, спал и осип со сна», – решила Марьяна.

– Сейчас принесу, – кивнул стюард – молоденький парень лет двадцати трех, не больше. – Дамы, а вы что будете?

– Я, пожалуй, сок, – сказала Марьяна, будучи не в силах отвести взгляд от запотевшего кувшинного бока. Ей так захотелось пить, что даже в горле пересохло. – Для шампанского, наверное, еще рано.

– Для шампанского никогда не рано, особенно в отпуске. – Елена снова сорвала свою шляпу и требовательно уставилась на стюарда. – Мы с Марьяной будем шампанское, молодой человек. Только очень холодное и очень сухое. Найдется у вас такое? И клубники принесите.

– Один момент, – парень кивнул и словно растворился в воздухе, побежав выполнять поручение.

Снова слышались шаги, закрипела лестница, и на палубе показалась сначала голова, а потом и вся фигура целиком – высокая, довольно полная женщина с бесцветными распущенными волосами, одетая в широкие льняные брюки и небесно-голубую ситцевую тунику, рас-

шитую огромными ромашками. Аляповатый наряд резал глаз, но его владелицу это, похоже, совершенно не смущало. Она оглядела палубу и нахмурилась, как будто увидела совсем не то, что ожидала.

– Здравствуйте, – буркнула она. – А где все остальные пассажиры?

– Понятия не имею, – призналась Марьяна.

– А больше пока никто не приехал, – охотно включилась в разговор Елена. – Я это точно знаю, потому что наша каюта недалеко от трапа. Мы с мужем и наши друзья, – последнее слово она произнесла с легкой запинкой, – прибыли самыми первыми. Наш самолет прилетел ночью. Потом появился вон тот господин, – она кивнула в сторону мужчины, заказавшего пиво и теперь напряженно следившего за лестницей, на которой должен был появиться стюард с вожаденной бутылкой. – Вас как зовут?

– Михаил Дмитриевич, – сообщил тот.

– Вот. Появился Михаил Дмитриевич, а потом приехала Марьяна. Больше никого не было. Вы следующая.

– А вдруг все поменялось? – Дама на лестнице, казалось, была в легкой панике. Впрочем, она тут же взяла себя в руки и мило улыбнулась собравшейся компании. – Извините, я веду себя невежливо. Меня зовут Ирина. Приятно познакомиться.

Она все-таки поднялась на палубу и села в шезлонг. Глаза ее лихорадочно блестели.

– И нам приятно, – мелодично сказала Елена. – Сейчас нам принесут шампанское, и мы с вами отметим начало нашего отпуска. Детективного отпуска. Признаться, у меня такое впервые. А у вас?

– Да уж, жизнь больше похожа на сказку, чем на детектив, – усмехнулась Ирина. – В детективе всегда торжествует истина, а в жизни, как в сказке, чем дальше, тем страшнее.

– Ну что вы, – к Михаилу Дмитриевичу, похоже, вернулся голос, раскатистый, хорошо поставленный баритон. – Я вас уверяю, что жизнь – это сказка, конец которой вы пишете сами, поэтому он может быть добрым. Это я вам как психолог со стажем говорю.

– А вы психолог? – Видимо, в голосе Марьяны послышался интерес, потому что ее собеседник тут же замахал руками:

– Да-да, но в отпуске я не практикую. Только море, солнце и только позитивные эмоции. А то невольно вспоминается старый анекдот, тот самый, в котором «приходишь ты на пляж, а вокруг станки, станки». Так что ни слова о проблемах, я вас умоляю.

– Хорошо. – Марьяна досадливо пожала плечами. Она и не собиралась никому навязываться. Свой проблемы она всегда решала сама, и в этот раз будет точно так же. Подумаешь, психолог, и без него обойдемся.

Ее внимание, впрочем, отвлек вернувшийся стюард. На его подносе стояли пивная кружка и запотевшая бутылка чешского пива, бутылка шампанского, ведро со льдом, три узких вытянутых бокала (видимо, вышколенный стюард заметил поднявшуюся на палубу Ирину и позаботился о ней тоже) и вазочка с клубникой. Парень ловко сгрузил все это богатство на стоящий перед шезлонгами пластиковый столик, сорвал пробку с пивной бутылки, быстро открыл шампанское, разлил напитки и жестом пригласил собравшихся к столу:

– Пожалуйста, угощайтесь.

Против воли Марьяна взяла бокал, из которого выпрыгивали шуршащие пузырьки, рвались на волю, совершали дерзкий побег. Что ж, она сама тоже совершила побег, за последствия которого сейчас и расплачивалась душевной пустотой. Шампанское холодное, дерзкое и прекрасное. Что ж, и она будет такой же.

Марьяна подняла руку с бокалом, словно в приветственном салюте, и громко сказала, заглушая внутреннюю истерику:

– Ваше здоровье! И приятного путешествия.

Ей вразнобой вторил хор голосов.

* * *

Олег посмотрел на наручные часы и нахмурился. До отплытия оставалось чуть больше половины дня, и времени до принятия решения практически не было. Впрочем, он не пытался обмануть самого себя, от его решения ничего не зависело. Яхта зафрахтована, он подписал контракт, и сегодня в десять часов вечера должен отдать швартовы и покинуть порт Барселоны, чтобы отправиться по четырнадцатидневному маршруту. И то, что у него душа не на месте из-за какого-то дурного предчувствия, никого не волнует. Владельца яхты – в первую очередь.

Яхта была прекрасна. Построенная всего год назад – мегаяхта «Посейдон» считалась новейшим из судов, обслуживающих туристов на Средиземном море. Владелец яхты, живущий ныне в Лондоне российский бизнесмен из первой сотни списка Форбс, перекупил Олега Веденеева, считающегося одним из лучших яхтенных шкиперов, сразу после того, как приобретенный им корабль сошел со стапеля.

Олег действительно был лучший. Опытный, уверенный в себе морской волк. В прошлом – первый помощник капитана большого круизного лайнера, он ничуть не жалел о том, что теперь ходит пусть и на большой, но все-таки яхте. Здесь было спокойнее и тише, меньше шума и суеты. Шум и суету после недавно приключившегося развода Олег не любил.

На «Посейдоне» было всего пять членов экипажа. Он сам, его помощник Валентин Озеров, немногословный, немного мрачный, но надежный мужик, не мысливший своей жизни без моря. Матрос Илюха, в силу врожденной безалаберности никак не могущий сдать экзамен на яхтенного шкипера, кок Юрий Леонидович, Юра, чье хорошее настроение не могли поколебать никакие неприятности, включая шумную и ревнивую жену-итальянку, и стюард Димка, вошедший в их маленький, но дружный коллектив только в начале этого лета.

Вся команда была русской, потому что заказчиками основной части круизов выступали именно граждане России. Впрочем, иногда яхту фрахтовали и иностранцы. Для такого случая Олег, Валентин и Димка свободно изъяснялись по-английски, Юра сносно лопотал на итальянском, а Илюха языками не владел (из-за чего в том числе и не мог сдать неподдающийся экзамен), зато улыбался так солнечно, что иностранные дамы млели от восторга и забывали, что именно только что спрашивали.

Жили они на «Посейдоне» с конца марта по конец ноября, все время, пока продолжались круизы. На зимние месяцы, пока яхта уходила в док на плановый осмотр, Валентин и Илюха уезжали домой повидать родителей, Юра нырял с головой в свою многочисленную итальянскую родню, чтобы ублажить жену и настроготь очередного ребенка, а сам Олег снимал небольшой домик в рыбацкой деревушке на испанском побережье, где и коротал время вынужденного безделья. Читал, совершал длительные многомильные пробежки вдоль кромки моря, болтал с рыбаками, вечерами топил маленький камин или разжигал костер на берегу. Возвращаться в Россию ему было не для чего, да и не к кому.

«Посейдон» ходил под Гибралтарским флагом, и портом приписки его был Гибралтар. Офшорную юрисдикцию, предполагающую льготные условия регистрации яхт и морских судов, выбрал владелец, и, честно сказать, Веденеев его очень хорошо понимал. «Посейдон», бороздящий море под флагом Гибралтара (читай, Великобритании), не требовал начислений налога на добавленную стоимость при его регистрации, обеспечивал высокий уровень конфиденциальности, возможность выбора любого британского порта, что для живущего на берегах туманного Альбиона олигарха было весьма удобно, минимальные тарифы на пользование яхтенными стоянками, отсутствие ввозных пошлин, нулевые ставки налога на собственность, а также на прибыль от сдачи яхты в аренду туристическим компаниям.

Кроме того, яхты, зарегистрированные в Гибралтаре, не были должны проходить ежегодную процедуру регистрации. Олег, будучи зимой в отпуске, поизучал ради собственного раз-

вития правила регистрации яхт в России и понял, что да, его босс абсолютно прав. С Гибралтаром было спокойнее, надежнее и выгоднее. Самому же Олегу, в общем-то, было все равно, чей флаг развевается на корме его корабля. К политике он был равнодушен, а патриотизм считал чем-то большим, чем цвет флага.

«Посейдон» был новой, отлично сконструированной, полностью безопасной современной трехпалубной яхтой. На двух палубах располагались девятнадцать кают со всеми удобствами, предназначенные для вполне комфортного пребывания тридцати восьми человек. На верхней палубе находились кают-компания, столовая и бар, а также открытая площадка для принятия солнечных ванн с удобными шезлонгами и бассейном-джакузи на крыше. Ходовая часть обеспечивала крейсерскую скорость в двенадцать морских миль в час, а все оборудование, в первую очередь навигационное, было самым современным.

В общем, «Посейдон» был не яхта, а мечта, которая, помимо приятной и безопасной доставки пассажиров из пункта А в пункт Б, обеспечивала своим клиентам еще купание в открытом море, загар на палубе, негу в джакузи, дайвинг, рыбалку, широкополосный Интернет с большой зоной охвата Wi-Fi, полный набор качественных алкогольных напитков и вкуснейшую еду, приготовленную руками Юры – в прошлом шеф-повара первоклассного ресторана, сначала женившегося на страстной итальянке, а потом сбежавшего в море от прелестей бурной семейной жизни.

Сегодня вечером «Посейдон» уходил в очередной круиз, да не простой, а детективный. Организаторы тура придумали такую примочку для развлечения богатеньких клиентов. По утрам яхта причаливала в одном из средиземноморских портов, где туристы сходили на берег и проводили время на организованных для них экскурсиях и европейском шопинге, а вечером, после отплытия, они могли не просто накачиваться алкоголем в баре или скучать по своим каютам, но и, собравшись в кают-компании, разгадывать детективную загадку, придуманную организаторами.

Как знал Олег, один из пассажиров на корабле должен был быть «подсадной уткой», то ли жертвой, которую предстояло «убить», то ли преступником, которого нужно было вычислить. Все остальные пассажиры волею судьбы превращались в сыщиков, которым предстояло найти убийцу и сдать его в руки корабельного правосудия, то есть Олега как капитана корабля.

С точки зрения Веденеева, затея была совершенно дурацкая, но, видимо, люди, купившие весьма недешевый тур, так не считали. Правда, загрузка корабля была не полной. Четыре каюты никто так и не выкупил, но, скорее всего, цена, заплаченная остальными, с лихвой окупала эти финансовые потери. Олег тяжело вздохнул и заглянул в лежащий перед ним список пассажиров. Итак, кроме них пятерых, на «Посейдоне» ожидается еще четырнадцать человек. Две семейные пары с дочерьми-подростками. Они занимают три каюты на главной палубе, под номерами 9, 12 и 14. Девочки живут отдельно от взрослых, что, в общем-то, и правильно.

Еще две каюты ждут молодых девушек. Одной, судя по паспорту, двадцать восемь лет, а второй – всего двадцать один. Нехилое путешествие они могут себе позволить в столь юном возрасте. Еще две каюты – для дам постарше, но тоже путешествующих в одиночестве. Хорошо бы без собачки. В этом месте Олег усмехнулся. Дам с собачками он навидался вполне достаточно, чтобы иметь повод для иронической ухмылки. Три джентльмена в солидном возрасте за сорок, точнее, даже под пятьдесят, причем без спутниц. Что ж, дамам будет на ком оттачивать свое мастерство обольщения.

Веденеев даже не сомневался, что к концу круиза одинокие пассажиры объединятся в пары. Что ж, ему не жалко, номера у всех двухместные, так что условия позволяют. Так, кто там у нас еще? Молодой человек чуть за тридцать и тоже один. Странно, очень странно... Или он составляет пару кому-то из дам? А может, кому-то из джентльменов, но они стараются это скрыть, для видимости соблюдая приличия и забронировав отдельные номера?

Олег снова вздохнул. Суровым поборником морали и нравственности он не был, поэтому к чужим грехам и слабостям относится философски. В конце концов своих грехов у него тоже было достаточно. Ах да, кто-то из этого списка – представитель организатора тура. Впрочем, это неважно. Его, Олега, это распределение ролей совершенно не касается. Его задача – вести яхту и две недели отвечать за безопасность пассажиров.

Он бросил быстрый взгляд в список и снова нахмурился. Что-то было не так, и сигнал тревоги в душе Веденеева звучал все громче и громче. За напавшие на него дурные предчувствия Олег не на шутку рассердился сам на себя. Ну, как баба, честное слово. Его каюта, впрочем, как и каюты его парней, располагалась на нижней палубе, и на мгновение он глупо обрадовался тому, что в этом плавании здесь, внизу, не будет шумных и надоедливых пассажиров. А может, и хорошо, что круиз неполный?

Настроение улучшилось так же внезапно, как и испортилось. Солнце заливало каюту через открытый иллюминатор, внизу плескались волны, привычно, чуть слышно, словно разговаривая с Олегом на языке, известном только им двоим. Море было надежным и верным собеседником. Оно, это Олег знал совершенно точно, не могло его предать. В отличие от людей.

Именно поэтому общение с людьми он свел к минимуму, стараясь разговаривать как можно меньше. С пекарем в лавочке, где он покупал свежесдобитый хлеб, с рыбаками на берегу, снабжавшими его рыбой, он вообще обходился предпочтительно жестами. Кто там еще? Стоматолог раз в год, парень на бензозаправке, с которым можно от нечего делать обсудить направление ветра, хмурая, сильная женщина, приходящая к нему убираться и стирать, а заодно отвечающая на его желание, когда оно возникает? Тут много слов тоже не нужно. Зато никто не извратит их, не использует ему же во вред, не стрельнет из пращи его словами, превратившимися в тяжеленные камни. И сам тоже не произнесет напрасных, лишних, чужих, ядовитых слов. Слов неправды, острых и жалящих, как рой ос.

Когда-то давным-давно бывшая жена Олега Веденеева, в тот момент находящаяся еще в статусе будущей, очень любила Александра Малинина, задушевно выводившего: «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала, в расплавленных свечах мерцают зеркала. Напрасные слова ты вымолвишь устало. Уже погас очаг, ты новый не зажгла...»

Тогда, много лет назад, слова этой песни казались Олегу именно «напрасными». Он не понимал их значения, а главное – смысла, который в них вкладывала девочка, его будущая жена. Ее глаза увлажнились, когда она слышала эту песню, казавшуюся ей очень красивой. Олегу в эти минуты красивой казалась его невеста, а песня нет, но спустя много лет он как-то в одночасье все понял и про напрасные слова, и про виньетку ложной сути, и про погасший очаг, который невозможно разжечь снова. Да и бог с ним.

Черт, что все-таки не так с этим круизом?

От размышлений его отвлек телефонный звонок. Звонил босс, владелец «Посейдона» и единственный начальник Олега Веденеева.

– Слушай, ты вроде мне говорил, что у тебя на корабле свободная каюта есть? – спросил он, и в его бодром и звенящем голосе Олег отчего-то расслышал нотки неуверенности, что боссу вообще-то было несвойственно.

– Четыре. У меня, а точнее, у вас на корабле четыре пустые каюты.

Лишних вопросов Веденеев не задавал. Был не приучен. Если начальнику надо в виде отступного отправить в круиз очередную даму сердца, так ради бога, Олегу не жалко. Такое бывало, причем неоднократно, правда, дам сердца олигарха Веденеев не любил. Были они все, как на подбор, длинноногие, блондинистые, не очень умные. Точнее, если уж без излишнего политета, так просто дуры. За прошлый год, когда босс, как и сам Веденеев, развелся с женой и купил яхту, дамы эти появлялись и исчезали с печальной периодичностью. Правда, с начала этого сезона ни одной олигарховой пассии Веденеев не видел, из чего сделал вывод, что босс образумился. Ан нет...

– Так это ж просто здорово... – Голос начальника звучал так фальшиво, что Веденеев насторожился. – В общем, Олег, не в службу, а в дружбу, возьми в плавание мою тещу.

– Кого? – Веденеев изумился так сильно, что не смог этого скрыть.

– Тещу... – Олигарх откашлялся, видимо, от неловкости, тоже ему несвойственной. – В общем, мать моей новой... подруги... Она давно хотела в круиз по Средиземноморью, вот я и решил, что пусть сплавает. Место есть, расходы я, понятное дело, все оплачу. Ты там только присматривай за ней. Ну, в плане, чтобы ей скучно не было.

– Игорь Витальевич, вы мне что, предлагаете развлекать вашу тещу? – осторожно уточнил Веденеев. – В плавании?

– Да нет, зачем развлекать? – заюлил начальник. – Она и сама себя развлечь может. Ну, просто, чтобы не обидел никто. Одинокая женщина, в круизе, сам понимаешь.

– Кто одинокая женщина? – Веденеев чувствовал, что тупеет прямо на глазах. – Теща ваша?

– Она всего на восемь лет старше меня, – упавшим голосом сообщил олигарх. – Подруга моя, она это, молодая еще. Так что матери ее всего-то шестьдесят два. Олег, ну заberi ты ее на время, а?! Как человека прошу! Она познакомиться приехала, а мне так неудобно перед ней, как будто я несовершеннолетнюю совращаю.

– Я не понял, кого вы совращаете? Тещу или ее дочку?

– Да дочку, типун тебе на язык, – олигарх не на шутку разволновался. – Но теща – женщина серьезная, а язык у нее, что твоя бритва. Я тут за пару дней уже взмок весь от необходимости соответствовать.

На памяти Олега Веденева это был первый случай, когда владелец «Посейдона» считал необходимым соответствовать кому-то, кроме Президента России, с которым недавно встречался по делам.

– А дочка, что ли, правда, несовершеннолетняя? – Олег уже вконец запутался.

– Да типун тебе на язык, говорю! Дочке тридцать два. А мне пятьдесят четыре. Понимаешь?

– Не совсем, – честно признался Веденеев. – Так вы чего хотите-то, Игорь Витальевич?

– Я хочу, чтобы ты взял в круиз мою тещу, – гаркнул олигарх уже более привычным Олегу тоном. – Через час привезут ее к твоему причалу. Вещи загрузят. Организаторам тура, которые яхту арендовали, я позвоню. Развлекать не нужно, но пригляд обеспечить. Все. И не беси ты меня, Веденеев, без тебя тошно!

– Э-э-э... Игорь Витальевич, только у меня VIP-каюта занята. И вообще все каюты на главной палубе.

– Да она нормальная баба, без закидонов. Старший научный сотрудник в музее каком-то, так что ей ВИП-каюта ни к чему. Отдельная на нижней палубе вполне подойдет. И да, Олег, спасибо тебе.

– Пока не за что. – Веденеев все-таки удержался, не засмеялся, дал начальнику нажать отбой.

Смущенный олигарх, пасующий перед тещей, выглядел слегка комично. Что ж, и на солнце бывают пятна. Посмотрим, что же это за теща такая. Олег пометил в своем журнале каюту номер восемь, в которую собирался ее поселить, и пошел наверх, чтобы сделать соответствующие распоряжения насчет ужина. Дурные предчувствия его больше не беспокоили.

* * *

Елена посмотрела на часы и досадливо нахмурилась. Она не волновалась, что дети опоздают к отплытию, потому что знала: ни за что на свете Рита не пропустит эту поездку, о которой так мечтала и которой так истово добивалась. Нет, в самой поездке не было ничего, столь

уж Рите необходимого, просто она всегда и во всем добивалась своего. Так уж была устроена. Досада Елены относилась именно к тому, что они опять, в который раз, пошли на поводу у Риты.

Та вбила себе в голову, что хочет в детективный круиз. Замечательно. Прекрасно. Ради бога. Однако Рите втемяшилось взять с собой еще и обеих девочек, а уж то, что девочки не отправятся в двухнедельное путешествие без Елены, было само собой разумеющимся. Для Риты. И разумеется, никто не смог ей возразить.

Так было всегда. С того самого момента, как Елена и Рита оказались на соседних койках в роддоме, все в Елениной жизни подчинялось нестигаемой Ритиной воле. Девчонок они родили с разницей в два часа. Рита свою назвала Олей, даже не спросив мнение мужа. Грише имя не нравилось, но спорить он не стал. Как всегда. Елена, зная, как искренне ее муж Артем любил свою бабушку и как горевал из-за ее недавней смерти, решила сделать ему приятное и предложила назвать доченьку Антониной, Тоней.

Оля и Тоня росли вместе. Дома, в которых жили молодые семьи, располагались в двух кварталах друг от друга. Елена и Рита вместе гуляли с колясками и частенько подменяли друг дружку. Пока одна сидела с детьми, по очереди засовывая в открытые рты ложки с манной кашей, вторая бегала по делам. Как правило, первой оказывалась Елена, а второй Рита. Это было справедливо, поскольку Рита начинала разворачивать собственное дело, а Елена была обычной декретной мамашей, не имевшей других интересов, кроме манной каши, памперсов и погремушек.

Иногда ей казалось, что она воспитывает двойню. Девчонок было все труднее разлучить, поэтому неудивительно, что, когда они подросли, Рита включила свои связи и устроила их в одну группу детсада, а когда пришла пора идти в первый класс, Оля и Тоня оказались за одной партой. Разумеется, первой. Другие варианты честолюбивой Ритой не рассматривались.

К этому моменту женская дружба давно переросла в дружбу семейную. Ковалевы и Репнины вместе отмечали не только день рождения дочерей, но и все остальные праздники, вместе ездили в отпуск, вместе ходили в театры и на выставки, вместе устраивали выезды в лес по грибы. Планировала и устраивала все это Рита. Всем остальным оставалось только подчиняться, потому что возражения не принимались и не рассматривались. В какой-то момент Елена с изумлением обнаружила, что начала от этого уставать.

– Ты знаешь, у меня такое странное ощущение иногда возникает, – сказала она мужу, – словно я теряю самоидентификацию. У меня давно уже нет своих чувств, своих мыслей и своих эмоций. Вернее, они есть, но только на работе. Там я считаюсь хорошим специалистом, у которого не грех спросить совета. К моему мнению прислушиваются, меня уважают. Но вне работы я словно растворяюсь в Риткином эго. Она даже решает, какие пироги мне печь на очередной праздник. Артем, это же как-то неправильно.

– Ты не права, – довольно резко ответил муж. – У Риты такая голова, что она лучше, чем кто бы то ни было, знает, как все обустроить. Вспомни, разве у тебя получилось бы отдать девочек в самый лучший в районе детский сад? Это же она нашла все ходы-выходы... А ты просто неблагодарная. Много лет у тебя нет никаких проблем. Тебе не нужно ничего придумывать, ничего решать. Стоит лишь только чего-то захотеть, как тут же выясняется, что Рита уже это устроила. О какой самостоятельности ты говоришь?

– Я взрослый человек, Артем. – Елену удивила горячность мужа, и она невольно повысила голос. – С чего ты взял, что я не смогу справиться с бытовой стороной жизни?

– Ты ничего не понимаешь. И я не хочу продолжать этот разговор. – Артем вышел, хлопнул дверью, причем так громко, что Елена вздрогнула.

Она действительно не понимала, и это блаженное неведение, возможно, продолжалось еще бы очень долго, если бы не Рита.

Своим тьюфом-мужем, невзрачным, тихим ученым-физиком Григорием Ковалевым, активная Рита была недовольна. Когда-то она увлеклась им только потому, что он был самым умным из всех известных ей парней. Его покорное обожание льстило Рите, и она, подумав, решила, что ее пробивной способности их семье хватит с лихвой, в то время как муж – будущее светило науки, разумеется, будет вполне себе достойной оправой для такого сияющего бриллианта, как она сама. Это был один из немногих случаев, когда жизнь внесла свои коррективы в Ритины планы.

Рано начавший лысеть Гриша, тихий и покорный, увлеченный лишь какими-то непонятными формулами, оказался ей совсем не парой. Он опаздывал на светские приемы, куда Рите нужно было ходить в поисках клиентуры, все время все ронял, близоруко щурился при виде незнакомых собеседников, а незнакомыми для него были практически все, не мог поддержать даже самый простой разговор и все время озирался в поисках Риты, чтобы тоскливо спросить, когда же они наконец могут уйти. Красавица Рита его стеснялась.

С годами она немного поправилась, приобретя, правда, не излишнюю полноту, а скорее некоторую дородность и статность, которые ей очень шли. Царственная осанка, горделивый разворот плеч, изящная голова на не очень длинной, но гладкой шее... Рита действительно была красива и знала это. Плюгавый муж ей совсем не подходил в отличие от высоченного красавца Артема Репнина, мужа ее подруги Лены.

Тот, успешный бизнесмен, директор крупной фирмы, занимающейся поставками нефтепродуктов, с блеском носил дорогие костюмы, небрежно подносил к глазам сверкающий на запястье «Ролекс», элегантно курил сигары и с одинаковой непринужденностью рассуждал как о ранних импрессионистах, так и о сортах односолодового виски.

Рита соответствовала всему этому гораздо лучше, чем скромная, увлекающаяся вязанием и чтением дамских детективов Елена, на пальцах которой любой бриллиант отчего-то смотрелся дешевым фианитом. Артем был блестящим человеком, как и Рита, а вот Елена – скучной, пыльной, серой, как вытертый плюш старого бабушкиного дивана. Артем смотрел на Риту и восхищался ею. Ее блеском, предприимчивостью, напором. Он смотрел на Елену, и огонь в его глазах затухал.

Любовниками Артем и Рита стали, когда девочки учились в первом классе, а о том, что они полюбили друг друга и намерены жить вместе, Рита буднично сообщила в октябре класса второго, во время отмечания общего для Тони и Оли дня рождения.

– Я не понял, – растерянно сощурился Гриша Ковалев. – Что это означает? Я не понял, Ритуля.

А вот Елена все поняла сразу и удивилась лишь тому, что так долго не замечала очевидного. Она и сама понимала, что ее подруга подходит Артему гораздо больше, чем она сама, вот только совершенно не представляла, как ей жить дальше. Жизнь, размеренная, понятная жизнь, в которой Елена числилась солидной замужней дамой, полностью лишенной финансовых проблем, в которой была семья и обожаемая хохотушка-дочь, вмиг кончилась, и впереди маячила лишь неизвестность.

– Только не надо трагедий. – Артем поморщился с досадой, как будто Елена заставила откусить от лимона, и теперь у него болели разом все зубы. – Разумеется, вы с Тоней не будете ни в чем нуждаться! Мы с Ритой прекрасно понимаем, что ты – совершенно не самостоятельная и без нашей помощи пропадешь.

Это «мы с Ритой» добило Елену сильнее, чем само известие о вероломстве мужа и лучшей подруги.

– Я ничего от вас не возьму, – сквозь зубы сказала она. – Слышите? И без вас не пропаду. Все устроится как-нибудь...

С того момента, когда она, взяв Тоню, ушла из квартиры Ковалевых в ночь, оставив там Артема, все действительно как-то устроилось. Причем шутница-жизнь вновь внесла свои коррективы, Ритой явно не предусмотренные.

Первым «нежданчиком» оказалось внезапное решение Елены и Гриши тоже создать семью. Жить в одиночестве обоим не хотелось, искать кого-то на стороне было занятием трудным, утомительным и довольно опасным, а друг друга они за много лет выучили наизусть, были осведомлены о достоинствах и недостатках характеров, а главное – имели общие интересы. Семья, основанная не на страстной любви, а на разумном подходе и взаимном уважении, обещала быть крепкой, стабильной, а главное – спокойной. Сходство в темпераментах не грозило никаким подвохом, и, немного отойдя от первого шока и хорошенько подумав, они решили, что будут вполне счастливы в новом браке.

Артем и Рита (теперь ставшая Репниной) переехали в загородный дом, благородно оставив своим брошенным половинам старое жилье. Две трехкомнатные квартиры в центре города были проданы, куплена одна, четырехкомнатная, в тихом спальном районе, куда и переехали Гриша и Елена (теперь Ковалева).

Второй неожиданностью стало решение девочек жить вместе, причем у Ковалевых.

– Я никуда от мамы не уйду, – упрямо выпятив губу, сообщила отцу Тоня. – Даже не мечтай. Я тебя люблю, но маму на тетю Риту ни за что не променяю.

– Мам, я бы с папой осталась, – заявила ошарашенной Рите Оля. – У тебя бизнес, у дяди Артема тоже. А тетя Лена и готовит лучше тебя, и с Тонькой я рядом буду. Да и вообще, как из вашего пригорода в школу ездить? Неудобно же!

Немного подумав, с таким положением дел Рита согласилась. Жить в городе школьнице было действительно удобнее. Вовремя приходящая со своей непыльной работы Елена могла и уроки проверить, и суп подогреть, да и вообще, положить руку на сердце, без детей в доме Рите было гораздо спокойнее.

В загородный дом Репниных девочки с удовольствием приезжали на каникулах, зимой катались на лыжах, летом бегали в лес по ягоды и качались в гамаке, а потом возвращались домой, к Ковалевым, в повседневную жизнь, полную тепла и искренней заботы. Рита так искренне была способна заботиться только о себе.

Третьей неожиданностью стало то, что Григорий Ковалев все-таки прославился. Его научный труд, посвященный биофизическим процессам в работе мозга, был высоко оценен за границей, Гришу стали приглашать с лекциями в американские и британские университеты, после чего он получил весомый грант на продолжение своих научных изысканий в России, заинтересованной в том, чтобы не все выдающиеся умы перетекли на Запад.

Счастливый Григорий блаженствовал в своей лаборатории, занимаясь тем, что ему было по-настоящему интересно, а Елена наслаждалась финансовой стороной вопроса. Зарплату Григорий Ковалев получал в валюте, поэтому никакие финансовые кризисы семье не грозили. Елена могла с высоко поднятой головой держать данное ею когда-то слово и от бывшего мужа не брать ни копейки. Кроме того, Григория частенько приглашали на семинары и торжественные научные церемонии, куда принято было приезжать с женами, так что за последние пару лет Елена повидала половину мира. В прошлой своей жизни об этом она не могла даже мечтать.

Видя успешность бывшего мужа, Рита частенько скрипела зубами, но изменить что-либо уже не могла. Тем не менее в последнее время она предпринимала немало усилий, чтобы сблизиться с Гришей и Еленой. Точнее, сохранить семейную дружбу она пыталась с самого начала, но Елена на уступки не шла, да и Гриша проявил неожиданную для него твердость. В ход шли любые ухищрения, но Ковалевы держались стойчески вплоть до последнего времени, когда у Риты возникла эта идея с совместным отпуском. Как когда-то.

– Круз по Средиземному морю очень интересен девочкам, – с жаром утверждала она. – Две недели на комфортабельной яхте, экскурсии по самым интересным городам Европы, да еще и детективная история, которую нужно разгадывать. Это же не каникулы, а мечта!

– Так и возьмите их с собой, – вздыхала Елена. – Мы с Гришей совершенно не против, чтобы девочки провели эти две недели с вами. А мы потом их в Америку свозим. У Гришки там семинар. Он выступит с докладом, а мы потом на океан съездим.

– На океан? – В голосе Риты зазвучали непонятные интонации. – Лена, ты же знаешь, что я не могу взять на себя двухнедельную ответственность за двух подростков, да еще на яхте. Это же открытое море, мало ли что там с ними может случиться?! Нет, одна я с ними не поеду!

– Так езжайте с Артемом без них, – не сдавалась Елена. – Что-то я не слышала, чтобы Тоня с Олей сильно любили детективы.

Однако девчонки неожиданно изъявили горячее желание поехать. Елена подозревала, что тут не обошлось без мягкого нажима со стороны Риты, поскольку у обеих дочек одновременно появилось по новому, только поступившему в продажу «Айфону», но отказать не смогла.

– Мам, я имею право провести часть каникул с обоими родителями? – без обиняков спросила Тоня. – В конце концов, что тут такого? Ты вполне счастлива с дядей Гришей и на папу давно не сердишься. Тетя Рита, конечно, иногда утомляет ужасно, но у всех будет по каюте, куда можно спрятаться, если совсем невмоготу. Я очень хочу поехать, но за две недели наедине с тетей Ритой с ума сойду. Спаси ты меня, а...

Тоне вторила и Оля, утверждавшая, что страшно соскучилась по маме, но не хочет расставаться с папой. Гриша, к которому Елена кинулась было за помощью, мягко сказал, что не видит в совместном отпуске ничего страшного, потому что до бывшей жены и Артема Репнина ему нет никакого дела, а если девочкам будет хорошо, то, значит, так тому и быть. Против этого аргумента Елена не нашла что возразить.

На круз она согласилась и теперь грызла себя изнутри за то, что дала слабину. Наблюдать за Ритиным поведением с близкого расстояния оказалось невыносимо. Шумная, безапелляционная, думающая только о себе и ни с кем не считающаяся, Рита раздражала Елену так сильно, что даже голова начинала кружиться. Кроме того, нужно было быть слепой, чтобы не заметить недвусмысленные знаки внимания, которые Рита оказывала Грише, а на зрение Елена не жаловалась.

Ей вовсе не улыбалось второй раз в жизни стать свидетелем крушения собственной семейной жизни. Рита была вполне в состоянии решить, что ученый с мировым именем Григорий Ковалев подходит ей гораздо больше скучного бизнесмена Репнина. И решимость, с которой Рита могла начать воссоединять свою первую распавшуюся семью, приди ей в голову такая фантазия, не сулила Елене даже малейшего шанса на победу.

– Господи, дай мне силы пережить эти две недели, – пробормотала Елена и снова нервно посмотрела на часы.

До семи часов вечера, на которые был назначен ужин, оставалось всего десять минут. Сама Елена терпеть не могла опаздывать и всегда и везде приходила заранее, но, зная непунктуальность Риты, волновалась из-за того, что девочки, скорее всего, опоздают. В этом не было ничего страшного, отплытие яхты все равно не состоится раньше десяти, но волнение не проходило.

Привыкшая смотреть правде в глаза, Елена понимала, что волнуется она не из-за опоздания к ужину, а из-за всей нелепой ситуации с крузом и их странной «шведской семьей».

«Если Ритка предложит заняться свингом и ради прикола периодически меняться партнерами, я ее убью», – мрачно подумала Елена и потянула на себя дверцу шкафа – переодеться к ужину.

Глава вторая

До ужина оставалось еще минут пятнадцать, но оставаться в каюте было как-то неправильно, поэтому Марьяна решила снова подняться на верхнюю палубу, чтобы подставить лицо солнцу и просто посидеть, не шевелясь и ни о чем не думая. Думать у нее в последнее время получалось плохо. Мысли сводились к одной-единственной теме – отношения с Гордоном, сложные, запутанные, болезненные с самого начала и закончившиеся оглушительной катастрофой. Для Марьяны оглушительной, не для Гордона.

Этот элегантный до кончиков пальцев на ногах британец, не слишком отягощенный нормами морали, скорее всего, даже не заметил, что Марьяны больше нет рядом. Вернее, нет, конечно, заметил и даже вздохнул, только не от горя, а от облегчения. С самого начала ее любовь его тяготила, и Марьяна даже понимала почему. Любовь, основанная на психологической зависимости, всегда тягостна для объекта этой самой любви.

Марьяна вспомнила, как ради Гордона решилась на преступление, и вздрогнула, хотя вечер был жаркий. Типичный для Барселоны августовский вечер, лишенный лондонской хмари и российской безнадёги. Да, она, Марьяна Королева, умница, красавица, незаменимый сотрудник и вечный двигатель, оказалась способна на преступление, а Гордона это не отпугнуло, наоборот, лишь вызвало неподдельный интерес.

Да, надо признать, что он сошелся с ней после того, как узнал, какие черные глубины имеет ее душа. Марьяна, заглядывая в них, отшатывалась в испуге, а Гордона плещущаяся в ней мерзость, наоборот, привлекала. Иначе бы он не толкнул ее на второе преступление, которое казалось ему само собой разумеющимся. Именно поэтому Марьяна от него и ушла.

На глаза снова навернулись слезы, которые в последнее время даже и не думали далеко прятаться. Марьяна вытерла глаза ладонью и упрямо вскинула голову, чтобы не дать им пролиться снова. Она в отпуске, она в круизе, она наберется новых сил и впечатлений, а потом вернется домой, в привычную жизнь, на работу, где ее ждут и где она нужна. И все в ее жизни будет хорошо.

Внизу послышались шаги, быстрые-быстрые, как будто кто-то бежал, причем на тоненьких каблуках. Бывшая в прошлой жизни модницей, Марьяна такие вещи распознавала на слух. Послышались другие шаги, тяжелые, уверенные, точно мужские.

– Я боюсь, – услышала она тихий, тонкий, натянутый как струна женский голос. – Он здесь, я его видела. Как он узнал, я не понимаю... А главное – зачем?

– Не бойся. – Мужской голос звучал приглушенно, но Марьяна слышала, что он довольно низкий. Примерно такой же, как у психолога Михаила Дмитриевича, так бесцеремонно отшившего ее днем. – Я сумею тебя защитить, Полина.

– Нет, я не хочу скандала. Он страшный человек, он растопчет любого, кто пойдет против него. Меня он не тронет, не посмеет, а вот ты?

– Я сумею за себя постоять. – Смешок, сопровождавший эти слова, не сулил ни одному врагу ничего хорошего.

Марьяне стало любопытно, и она перегнулась через перила, чтобы посмотреть, кто это там разговаривает. Девушку она увидела – совсем молоденькую, лет двадцати, и очень красивую. Высокая и тоненькая, как модель, она действительно стояла на палубе на высоченных каблуках. Длинные темные волосы струились по обнаженной спине, легкий блестящий топик красиво облегал высокую грудь. Лица Марьяна не видела, но отчего-то была убеждена, что оно совершенно, как и вся девушка в целом.

Собеседник ее был вне поля Марьяниного зрения, а перегибаться через борт еще больше было сопряжено с риском для жизни. Не хватало еще свалиться в воду. Да и быть застуканной

за подслушиванием тоже не хотелось. В конце концов ее это не касается. Марьяна выпрямилась и независимо повела плечами.

– Уважаемые гости, приглашаем вас пройти в кают-компанию, которая расположена на верхней палубе, – послышалось из установленного неподалеку динамика. Внизу раздался шорох, как будто два человека отшатнулись друг от друга и прыснули в разные стороны. Марьяна усмехнулась и двинулась в сторону ресторана, или как это правильно называлось, столовой. Отчего-то ей внезапно очень сильно захотелось есть.

Ужин был сервирован на пяти столах. У одного стоял моряк в черных брюках и белой рубашке с погонами, видимо, капитан корабля. Выглядел он симпатично, Марьяна даже засмотрелась. Открытое лицо, высокий лоб, густые волосы, в которых уже начинала проблескивать седина, широкий разворот плеч, то, что бабушка называла «косая сажень», тонкая талия. Красивый мужик, породистый.

К ней подскочил стюард, склонился в вежливом полупоклоне:

– Простите, у вас какой номер каюты?

Марьяна посмотрела на бирку, висящую на ключе.

– Восемнадцатый.

– Позвольте, я провожу вас к вашему столику.

Марьяна согласно кивнула и прошла к столу номер 3, стоящему напротив капитанского. За ним уже сидели знакомая ей Елена Михайловна и невысокий лысый мужчина в очках и с отрешенным выражением лица.

– Соседями будем, – улыбнулась ей Елена. – Знакомьтесь, это мой муж, Григорий Петрович.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Марьяна и села, разложив на коленях кипенно белую салфетку. Мужчина посмотрел на нее каким-то диким взглядом, будто только что увидел.

– Не обращайтесь внимания, – шепнула ей на ухо Елена, – мой муж – ученый, а они все немного не от мира сего.

Марьяна огляделась. Каждый из пяти столов, стоящих в ресторане, был сервирован на три персоны и только один – на четыре. За столом номер 1, кроме капитана, расположилась пожилая, но очень стильная дама: коротко стриженный седой ежик на голове, круглые очки, не скрывающие, а скорее подчеркивающие живые, выразительные, очень острые глаза, крупные перстни на длинных пальцах, недорогие, но идеально подобранные.

За соседним с Марьяной столиком номер четыре скучала еще одна знакомая по утру дама, та самая, которая переживала, что что-то может измениться. Выглядела она по-прежнему взволнованной и нервной и то и дело бросала внимательные взгляды на дверь, словно кого-то ждала.

Дверь открылась с мягким чпоканием, и в ресторан влетел довольно молодой мужчина в белом хлопковом костюме, подскочил к капитанскому столику, протянул руку для знакомства:

– Здравствуйте, я Марк – представитель компании-организатора. Сейчас все соберутся, и за ужином я расскажу программу нашего путешествия.

Программа лежала в каюте на прикроватной тумбочке, но деятельного Марка это, видимо, не останавливало. Снова хлопнула дверь, и в ресторан заскочили две девочки, те самые, что утром убегали на экскурсию.

– Мам, мы вернулись, – одна из них, тоненькая, грациозная, подскочила к Елене, чмокнула ее в щеку.

– Папа, я тебе открытку купила, с видом на Саграда Фамилия, – сообщила вторая, светленькая пампушка, встав за спиной у Григория Петровича.

Взгляд того на миг стал осмысленным, теплым, он ласково улыбнулся девочке и тут же снова погрузился в какой-то неведомый окружающим внутренний мир.

– Девочки, ваш стол номер пять, – стюард вежливо, но настойчиво указал подросткам на стоящий в углу столик, на котором у одной из тарелок стояла белая роза в бокале, очень нежная.

– Ой, а это кому? – Темненькая, которую звали Тоней, подняла на официанта требовательный взгляд.

– Вашей соседке по столу, – ответил тот, отчего у девочки тут же недовольно скривились губки.

Снова распахнулась дверь, и в ресторан вошла Полина, та самая красавица, которая так сильно кого-то боялась. Марьяна невольно заметила, что глаза у нее заплаканные. Стюард проводил ее к столику, усадил перед стоящей на столе одинокой розой. Впрочем, на розу Полина не обратила ни малейшего внимания.

– А это вам? – сказала ей общительная Тоня.

– Мне? – Девушка удивилась, подняла идеальной формы брови. – Почему мне?

– Он сказал, – вторая девочка ткнула пухлым пальчиком в стюарда.

– Оля, показывать пальцем нехорошо, – сказала тут же Елена.

– От кого? – Полина резко повернулась, глаза ее метали такие молнии, что стюард, казалось, струхнул.

– Не могу знать. Поступило распоряжение поставить на ваш стол.

– Ясно. – Девушка отшвырнула салфетку, хотела встать, но не успела. Дверь снова распахнулась от мощного толчка, и в ресторан вошел высокий, вальяжный мужчина с холеной бородкой, кивнул капитану, требовательно уставился на стюарда.

– Аркадий Сергеевич, ваш стол номер два. Добро пожаловать на «Посейдон», – сказал тот, вежливо, но без особого пиетета.

Мужчина с бородкой обвел глазами собравшихся, чуть заметно усмехнулся, прошел к столу и сел, заправив салфетку за ворот льняной рубашки с небрежно закатанными рукавами.

За соседний столик, к одиноко сидящей Ирине, посадили еще одну семейную пару – высокого, немного потасканного мужчину с редящими волосами и крупную, яркую женщину. При их виде сидевшая рядом с Марьяной Елена едва слышно вздохнула.

Затем пришел еще один джентльмен средних лет, тоже хорошо одетый и пахнувший дорогим парфюмом, оживленно разговаривающий с психологом Михаилом Дмитриевичем. Впрочем, в ресторане им пришлось расстаться, психолога усадили за стол с Полиной и девочками, а нового мужчину – за стол к «льняному» бородачу. И, наконец, последней в ресторан вплыла довольно высокая, ладно сложенная женщина лет тридцати – тридцати пяти с шикарной копной распущенных ярко-рыжих волос, кивнула собравшимся, как будто была с ними хорошо знакома, и прошествовала на единственное оставшееся свободным место – к столику с двумя явно состоятельными господами.

Компания выглядела разношерстной, а от того странной. Марьяна украдкой осмотрела зал. Импозантный капитан, элегантная пожилая дама, потирающий руки словно в предвкушении чего-то интересного Марк, уверенные в себе холеные мужики, непонятно что делающие в подобном круизе в одиночестве, яркая дама – явно искательница приключений, две непоседливые школьницы, ерзающие на стульях от переизбытка впечатлений, прикусившая губу Полина, деловито накладывающая закуски на тарелку пышная женщина, которую, как вспомнила Марьяна, кажется, звали Ритой, ее муж, незаметно, но с интересом разглядывающий Полину, погруженный в себя Григорий Петрович, нервно ломающая пальцы Елена Михайловна и, наоборот, совершенно успокоившаяся безмятежная Ирина. Видимо, тот, кого она так ждала, все-таки пришел. Марьяне на секунду стало интересно, кто же это мог быть. Скорее всего, кто-то из «деловых», не иначе.

– Приятного аппетита. Я – капитан «Посейдона», меня зовут Олег Веденеев. Сегодня в десять часов вечера мы с вами отплывем из Барселоны по нашему двухнедельному маршруту.

Я всегда готов ответить на ваши вопросы. Найти меня можно либо в рубке, либо на нижней палубе. Моя каюта номер один. Я и моя команда сделаем все для того, чтобы наше путешествие было безопасным и приятным. Мы рады приветствовать вас на борту.

Капитан наконец сел и приступил к еде, давая сигнал всем остальным. Звонко застучали ножи и вилки. Стюард метался между столами, наливая напитки и предлагая спиртное. Михаил Дмитриевич заказал виски, схватил бокал, жадно опрокинул содержимое в рот. Лицо его скривилось, как будто от неведомой боли. Марьяна невольно подумала, что мало кто из ее попутчиков выглядит счастливым и довольным жизнью, что странно для людей в отпуске, к тому же достаточно дорогим и интересным. Впрочем, поразмыслить над этим странным обстоятельством она не успела.

– Дамы и господа, позвольте мне рассказать вам о том, как будет проходить наше плавание. – Марк встал, откашлялся, зашелестел бумажками, прикрепленными держателем к плотной черной пластиковой папке.

Марьяна слушала, отмечая, что все и так прекрасно помнит. Сегодня они отплывают из Барселоны и завтра в районе полудня будут в Марселе. Их ждет экскурсия по городу, пара часов свободного времени, а затем яхта берет курс на Неаполь. После четвертой ночи в пути они окажутся в Палермо, затем полтора суток проведут в открытом море и на седьмой день пути пришвартуются на Крите. На следующий день их ждут Афины, а после восьмой ночи на борту яхты – гостеприимная Мальта. Оттуда яхта двинется в обратный путь, на протяжении пяти суток не заходя ни в один порт. В плане маршрута значатся только остановки для купания в открытом море и рыбная ловля, и на четырнадцатый день путешествие закончится там же, где и началось, в порту Барселоны.

– Начало нашего путешествия насыщено экскурсиями, – продолжал между тем Марк. – Поэтому обещанная вам детективная составляющая будет отложена на вторую половину маршрута. Но для того чтобы все подготовить, мне нужна ваша помощь. Сейчас я пушу по кругу свой планшет, с которого каждый из вас должен будет отправить электронное письмо с одного моего почтового ящика на другой. В поле письма мне нужно, чтобы каждый из вас написал коротенький текст-объяснение, что для вас может стать лучшим поводом для убийства. Один из предложенных вами вариантов и ляжет в основу сценария, хитросплетения которого вам всем потом предстоит разгадать. Договорились?

– Боже, какая глупость, – возмутился психолог Михаил Дмитриевич. – Молодой человек, мы все тут серьезные взрослые люди собрались. – Он покосился на сидящих с ним за одним столом Тоню и Олю, скептически оглядел Полину и поправился: – Почти. Неужели вы думаете, что мы станем принимать участие в этой чепухе?!

– Но вы ведь поехали в этот круиз, – мягко сказал Марк. – Вы заранее знали, что он имеет детективную составляющую, и мы будем немножко играть. Вы бы могли выбрать другое путешествие, но выбрали именно это предложение нашей компании. Зачем вы это сделали, если вам подобное времяпровождение совершенно неинтересно? У вас была другая причина?

– Не было у меня никаких причин, – резко оборвал его психолог. – Ради бога, если вам так нужно, я напишу.

– Ваши письма будут полностью анонимны. Это важно, чтобы вы могли чувствовать себя совершенно расслабленно. Никто не узнает, какой текст чей. И я в том числе.

– Объявлено убийство, – пробормотала сидящая рядом с капитаном стильная пожилая дама. И пояснила, видя, что привлекла внимание: – У Агаты Кристи есть такой роман. Когда всех людей собирают в одном месте, потому что объявляют, что там произойдет убийство. Все считают, что это такая игра, но преступление совершается на самом деле.

– Вы считаете, что здесь на самом деле кого-то убьют? – В голосе спросившей это Полины звучала неприкрытая насмешка.

– Я ничего не считаю, – дама пожала плечами. – Мне кажется, что у ваших боссов, молодой человек, очень богатое воображение. Хотя, признаюсь, мне будет любопытно посмотреть, что у вас в итоге получится.

– Согласен, что это редкая дурь. – Холеный бородач в льняной рубашке потянулся, хрустнув суставами. – Если бы мне сказали, что я могу оказаться втянутым в такую чушь, я бы только покрутил пальцем у виска.

– Аркадий, но вы же здесь. – Марк был сама любезность. – Так же, как и Михаила Дмитриевича, что-то же вас заставило отправиться в наше путешествие.

– Смею вас заверить, что я здесь совершенно по другой причине, – резко сообщил бородач, но тут же замолчал, будто спохватившись. – Давайте сюда ваш дурацкий планшет, если уж мне приходится участвовать в этом дурдоме, то я предпочитаю сделать это первым.

Планшет кочевал от стола к столу. Когда подошла очередь Марьяны, она покорно взглянула на уже открытое Марком чистое поле нового письма, и пальцы ее проворно забегали по буквам виртуальной клавиатуры.

«Самое страшное преступление человек всегда совершает против самого себя. И делает это именно в тот момент, когда поднимает руку на другого человека, другую личность. Мы все несем внутри себя отпечатки наших преступлений».

* * *

Михаил Дмитриевич Быковский наблюдал за всем происходящим лениво, без особого интереса. До всех этих людей, собравшихся на дорогушей яхте, чтобы провести дорогуший же отпуск, ему не было никакого дела. Подобное времяпровождение Михаил Дмитриевич считал бесцельным, а потому бесполезным. Ну что это за глупость, право слово, на две недели добровольно заточить себя на плавающей посудине среди незнакомых и малоинтересных людей, только для того, чтобы ежедневно совершать экскурсионные набеги на средиземноморские города!

Эти краткосрочные набеги он считал варварскими, потому что за одну экскурсию, даже с самым непрекраснейшим экскурсоводом, невозможно ни узнать историю этих городов, ни оценить их архитектурный стиль и только им присущие особенности, ни насладиться той особой атмосферой, которая присуща и Марселю, и Неаполю, и Афинам.

Сам Михаил Дмитриевич любил пробовать города на вкус. Неспешно, как пробуют хорошее вино, катая его по нёбу, чтобы как следует распробовать букет. Приехать на несколько дней, остановиться в маленьком, совсем не пафосном, зато аутентичном отеле на несколько номеров, исходить пешком древние улочки, дышать здешним воздухом, слушать иностранную речь, наблюдать за местными – влюбленными парочками, вездесущими мальчишками, спешащими на работу клерками, торговцами, открывающими поутру свои булочные и кондитерские, клошарами, в прямом смысле слова начинающими новый день заботами о хлебе насущном.

Из звуков, запахов и множества разноцветных картинок, как стеклышек в калейдоскопе, постепенно складывался у него образ того или иного города. И создать его – многогранный, сложный, живой, дышащий в унисон с его жителями – невозможно было за одну экскурсию или статью в путеводителе. Конечно, в музеи Михаил Дмитриевич заходил тоже, но это было уже позже, после того как он начинал чувствовать город, в который приехал, кончиками пальцев. Музеи, а еще храмы были обязательным пунктом его программы, такой непохожей на то, что предлагалось обычным туристам.

И тем не менее в этом году он изменил своим многолетним привычкам. Изменил самому себе, что вообще-то считал совершенно невозможным. Слишком много сил он потратил на то, чтобы иметь возможность сохранять верность себе и своему отношению к жизни. Слишком много времени. Но на то у него есть веская причина.

Он снова чуть снисходительно оглядел кучку собравшихся в кают-компании людей, которые что-то увлеченно писали в пущенном по кругу планшете. Ему предложенная игра была ни капельки неинтересна, но он знал, что, когда до него дойдет очередь, он тоже возьмет планшет и напишет свой текст, который будет таким же дурацким, как все остальные. Он, Михаил Быковский, здесь по делу. По очень важному делу, которое необходимо скрыть от посторонних глаз. И если для того, чтобы добиться успеха в затеянном им рискованном предприятии, ему придется изображать из себя детектива и разгадывать идиотские загадки, что ж, он готов. Результат того стоит.

Он покосился на стюарда, разносившего напитки, а также помогающего ему кока и снова перевел взгляд на пассажиров. Несмотря на то что Михаилу Дмитриевичу было откровенно скучно, он продолжал наблюдать за окружающими. Что ж, привычка – вторая натура, и от профессиональной деформации, хочешь не хочешь, а никуда не деться, поэтому он и не отказывает себе в невинном удовольствии – наблюдать и делать выводы.

К примеру, две семейные пары за соседними столиками. Они приехали на яхту вместе, но невооруженным глазом видно, что просто ненавидят друг друга. Бледная нервная дамочка за третьим столиком, кажется, она представилась Еленой, просто мечет глазами молнии в сторону пышной красавицы за столиком номер четыре, Риты. Оно и понятно, та более яркая, более пышная, более заметная. Вот ее «подруге» и надоела вечная роль, согласно которой ей отведено находиться в тени.

А вторая дама от первой тоже не в большом восторге. Ей хочется абсолютного триумфа, а не получается. Вон как дети липнут к этой Елене, а на Риту даже внимания особого не обращают. Да и с мужьями тоже не все понятно. Один безучастен ко всему происходящему, но глаза умные и добрые. А второй, разъевшийся пузан, только и делает, что стреляет глазами по всем женским бюстам без исключения. Даже старуху и ту оглядел цепко, по-мужски.

Жаль, но шансов у него немного. Не надо быть опытным практикующим психологом, чтобы понять, что внимание всей женской части группы в ближайшие две недели будет сосредоточено на двух «богатеньких буратино», обосновавшихся за вторым столиком. От них исходит такой мощный запах денег, что не почувствовать его невозможно. Вот дамочки и начнут слетаться на этот афродизиак, самый мощный из всех, созданных матушкой-природой.

– У меня есть объявление. – Пышная красотка поднялась из-за соседнего столика, захлопала в ладоши, привлекая внимание.

Михаил Дмитриевич невольно заметил, как блеснули глаза Елены. Что крылось за этим блеском? Ненависть? Зависть? Ревность? Он знал, что рано или поздно это выяснится. Причем без всяких усилий с его стороны. Человеческая натура и замкнутое пространство, в котором они оказались, будут причиной того, что все тайное так или иначе станет явным. Для того, кто умеет наблюдать.

– У меня есть объявление и предложение ко всем вам. Так как нам предстоит вместе проводить вечера на протяжении достаточно длительного времени, а наша детективная история пока не готова, я предлагаю всем потратить время с пользой и пройти психологический тренинг. Это будет интересно и всем полезно.

Что? Психологический тренинг? Михаил Дмитриевич не верил собственным ушам. Эта яркая птичка еще и психолог? Что ж, ситуация становится еще забавнее.

– Ну, ма-а-ам, опять ты о работе, – полненькая светловолосая девочка капризно надула губки. – Мы же на каникулах. Ты обещала проводить с нами больше времени, а не заниматься своими тренингами.

– Олечка, доченька, но это же недолго, час-полтора в день, после ужина.

– О каком тренинге идет речь? – спросила броская красотка, разместившаяся за одним столом с «олигархами», как их окрестил про себя Михаил Дмитриевич.

– Я, Маргарита Репнина – автор лучшего в России бизнес-тренинга по развитию уверенности в себе, гармоничных личных отношений и профессионального успеха в любом деле. Разработанная мною стратегия полностью доступна, и ее вводный базовый курс занимает всего десять занятий, которые мы с вами успеваем пройти за наше короткое путешествие. В конце концов каждый человек стремится к профессиональной эффективности, а она невозможна без эффективности личной. Задача нашего базового курса – научиться строить личный бренд и использовать его в повседневной жизни.

– А что, пожалуй, это интересно. – У юной красавицы Полины, сидевшей за одним столиком с девочками, загорелись глаза.

Красивые, но отчего-то грустные. Интересно, из-за чего может расстраиваться такая юная красотка? Не иначе, как от неразделенной любви. Михаил Дмитриевич заметил интерес в других глазах, тоже грустных, принадлежащих той самой молодой женщине, которая сегодня утром встрепенулась от известия, что он – психолог. Что ж, эта Рита, похоже, соберет здесь свою паству, а вместе с ней еще и немалые деньги.

– А что мы должны будем делать? – спросила вторая девушка (кажется, ее звали Марьяной). Голос звучал осторожно, как будто она примеривалась к чему-то неизведанному и потенциально опасному.

– О, все очень просто, – голос Риты был полон оптимизма. – Я – бизнес-коуч. Мой тренинг называется «Путь наверх», он включает в себя десять ступеней, в основе которых лежит некая провокационная психотерапия. В ходе каждого этапа вскрываются личностные проблемы, мешающие вашей эффективности, и мы вместе прорабатываем способ от них избавиться.

– Вообще-то «Путь наверх» – это роман такой, – вступила в разговор элегантная пожилая дама, сидящая за одним столиком с капитаном. – Его написал английский писатель Джон Брэйи, и он как раз посвящен всему тому, что вы только что перечислили – проблемам, мешающим эффективности. В первую очередь морального характера.

В голосе дамы слышалась издевка, но громкоголосую Риту было не так легко сбить с толку. Издевку она предпочла не заметить.

– Книгу я эту не читала, – гордо сообщила она, как о невесте каком достижении. – Но вот тренинг мой очень советую посетить. Это процесс групповой работы, в ходе которой каждый получит возможность оценить, как действует его система восприятия и оценочных суждений и насколько она позволяет нам добиться результата. Вы можете десять дней смотреть на море с палубы и думать о чем-то несбыточном, а можете, потратив час в день, получить уникальную возможность увидеть свою жизнь со стороны.

– Все это чушь, глубокоуважаемая. – Михаил Дмитриевич услышал свой низкий баритон и даже удивился, что дал втянуть себя в никому не нужную дискуссию. – Ваши так называемые тренинги не имеют никакого отношения к психологии. Она в ваших руках, как праща в руках дикаря. Вы вмешиваетесь в психику и ломаете глубинные механизмы человеческого существования. Поверьте, я знаю, о чем говорю, потому что разбираться со всем, что вы городите на ваших тренингах, потом приходится мне.

– А вы кто? – пролепетала Полина.

– А я – врач-психотерапевт. И должен сказать, что считаю коучинг редкостным злом.

– Какое, по-вашему, зло может скрываться в осознании своего жизненного сценария и возможности улучшить его, запрограммировав себя на успех? – надменно спросила Рита.

– Потому что человек – не робот, и любая попытка его запрограммировать приводит к необратимым последствиям.

– Позвольте, вы – Михаил Быковский, – воскликнула пожилая дама. – Ну, конечно, я читаю вас в Фейсбуке!

Михаил Дмитриевич усмехнулся. Социальные сети действительно шагнули далеко вперед, если ими так активно пользуются пенсионерки.

– Меня зовут Галина Анатольевна, и вынуждена сказать, что с вами я тоже совершенно не согласна. Вернее, под той частью, в которой вы называете коучинг шарлатанством, я подписываюсь. Все вот эти рассуждения о том, что нужно освободиться от стереотипов о себе, людях и мире, разобраться в причинах своих неудач и понять, что мешает ставить желаемые цели, все это чушь собачья. Ваша психология – вообще лженаука, и вы занимаетесь тем же самым шарлатанством, что и она, – перст Галины Анатольевны с крупным серебряным кольцом с большим черным камнем указал в направлении Риты.

– Позвольте, – Быковский даже засмеялся от удивления, – вы считаете психиатрию лженаукой?

– Я так не говорила. Психиатрия – это отрасль медицины. А вот все эти психологические изыскания – чушь и бредятина. Американский автор книги о семейной гармонии «Как сохранить брак» застрелил свою жену и выложил фото с места убийства в Интернет. Дейл Карнеги, на книгах которого выросло несколько поколений людей, считающих, что можно научиться быть счастливым, закончил свои дни в полном одиночестве, Бенджамин Спока его родные дети сдали в дом престарелых, а писательница, написавшая книгу «Как стать счастливым», повесилась, потому что много лет безуспешно лечилась от депрессии. По-моему, это все, что здоровый человек должен знать о любых психологических тренингах. Любой неуспех в жизни возникает только от того, что человек мало работает. Если чего-то хочешь, встань с дивана и действуй. Вот и вся премудрость. А если у тебя не получается, значит, ты ленив и безынициативен, и ни один человек, кроме тебя, не может нести за это ответственность.

– Позвольте, но именно к осознанию этого мы и приходим на моих консультациях, – запротестовал Михаил Дмитриевич.

Но Галина Анатольевна не дала ему договорить.

– Подождите, я прочту ваши советы вслух. – Она достала телефон и потыкала тонким пальцем в экран. Руки, несмотря на возраст, у нее были красивые и изящные. Совсем не старческие руки с аккуратным маникюром. – Вот что вы пишете. «Делай, что хочется. Не делай, что не хочется. Говори, что тебе не нравится. Молчи, когда тебя не спрашивают. Отвечай только на поставленный тебе вопрос. И когда выясняешь отношения, говори только о себе». Это же вы написали?

– Я. И что тут, с вашей точки зрения, неправильного?

– Да все тут неправильно! Неправильно проводить консультации, впаривая вашим клиентам (или их нужно называть пациентами) вот эту туфту за огромные деньги. Делай, что хочется, – передразнила она. – Люди живут не в безвоздушном пространстве, а в социуме. И делать, что хочется, извините, не всегда возможно. К примеру, пукнуть вот здесь и сейчас, когда мы с вами, взрослые, состоявшиеся в жизни люди заперты в замкнутом пространстве. Или, к примеру, кто-то сейчас захочет заняться сексом на глазах у всех остальных, он должен это сделать? Или все-таки дождаться, пока они с объектом страсти останутся вдвоем? Ваши идиотские советы противоречат друг другу. Делай, что хочется, но при этом говори только тогда, когда тебя спрашивают? Вот меня сейчас не спрашивают, но я делаю то, что мне хочется. Я выполняю один из ваших советов и тут же нарушаю другой.

Она остановилась, переводя дух.

– А ведь и правда. – Бизнесмен Аркадий, бородатый, чуть усталый, в уже ставшей мятой, но от этого ничуть не менее элегантной льняной рубашке вдруг рассмеялся, нарушая неловкое молчание, повисшее в кают-компании. – Не делай, что не хочется. И найдутся же люди, которые воспримут это буквально! И уволятся с ненавистной работы, к примеру, или перестанут проведывать родителей, потому что есть более интересные и важные дела. Это не совет. Это воспитание нездорового эгоизма.

– Вот. – Галина Анатольевна явно взбодрилась от оказанной ей поддержки. – А люди платят деньги за эту чушь, а потом ломают себе жизнь. А всего-то и надо – честно задать самому себе вопросы, почему с тобой происходят одни события и не происходят другие. И дать на них честные ответы. Это сложно, но возможно.

– Вы просто вздорная старуха, которая не понимает, что говорит, – сорвалась на крик Рита. – Наша вселенная так устроена, что, когда в ней меняется что-то одно, это тут же запускает великую цепь изменений, и изменяется совершенно все. Я учу менять вселенную, изменяя себя.

– Оставьте вселенную в покое, сделайте одолжение, милая моя! И кроме того, зачем же за это платить-то? – с жалостью в голосе спросила Галина Анатольевна. – Я и бесплатно понимаю, что все изменения нужно начинать с себя. Сказать себе правду и сэкономить на психотерапевте. Всю жизнь так живу. И ничего, справляюсь.

– Оно и видно. – Рита окинула пожилую женщину едким оценивающим взглядом. – Дешевое трикотажное платьице, серебряные побрякушки и непередаваемый гонор. Вот все, что вы заработали в этой жизни. Вы по специальности кто? Учитель? Музыкальный работник?

– Искусствовед.

– О! Из той же оперы. Гнилая вонючая интеллигенция, считающая деньги всемирным злом. А люди пользуются моими услугами и становятся успешнее и богаче. Понятно вам? В общем, мое предложение в силе. Кто сочтет необходимым им воспользоваться, милости прошу в девятую каюту. А если кому-то по вкусу действительно дурацкие советы моего именитого коллеги, – она сделала шутовской поклон в сторону Быковского, – то ради бога.

– Нет-нет, я на отдыхе. – Михаил Дмитриевич поднял руки, показывая, что сдается. – В отпуске я не практикую. Чего и вам советую.

– А я сама решу, без ваших советов.

Михаил Дмитриевич втянул носом воздух. В кают-компании стоял стойкий, неприятный запах, который он узнавал из тысячи. Именно так пахла ненависть. Глубинная, не имеющая точки возврата ненависть, от которой можно было избавиться лишь двумя способами. Либо обратившись к врачу (психиатру, права пожилая дама, ой права), либо убив.

– Дамы и господа, – в разговор вмешался капитан корабля, которому явно переставало нравиться происходящее. – Я предлагаю закончить этот разговор, тем более что он уже выходит за рамки приличия. Я благодарю всех за ужин. Прошу не сходить с яхты, потому что мы отплываем через час. Желаю вам приятного путешествия и спокойной первой ночи на борту «Посейдона».

– Напитки в баре, – сообщил стюард Дима, отвлек внимание от красной, пышущей гневом Риты, ловко заjongлировал бутылками. – У нас есть карта коктейлей, среди которых наверняка найдется тот, что окажется вам по вкусу.

Первым к барной стойке подошел Михаил Дмитриевич. Весь запал его куда-то вышел, и он выглядел сейчас постаревшим и уставшим. Подойдя к стойке, он развернул карту бара, но смотрел не в нее, а прямо в лицо Диме. И взгляд у него отчего-то был потерянный, совсем непохожий на взгляд победителя по жизни.

* * *

Олега Веденеева никогда особо не интересовали пассажиры. Иногда раздражали, но, как говорится, в рамках. Возить пассажиров было его работой, за которую ему платили, причем хорошо. Но любопытства в их адрес он никогда не проявлял. Во-первых, потому что считал это неэтичным, а во-вторых, потому что от природы был не любопытен.

Впрочем, некоторые вещи он подмечал, поскольку человеком был внимательным и глаз имел цепкий, шкиперский. К примеру, он не мог не заметить, как явно клеится одна из пас-

сажирок, холеная рыжеволосая пава с великолепной фигурой, к бизнесмену, с которым оказалась за одним столиком.

Паву звали редким именем Ида, и по ее внешнему виду было абсолютно понятно, что путешествует она именно в надежде подцепить богатенького кавалера. Веденеева немного смешило, что свои пылкие взгляды она бросала на успешного, но все-таки средней руки бизнесмена Алексея Китова, в то время как за одним столом с ними сидел гораздо более богатый и к тому же холостой Аркадий Беседин.

Олег знал Беседина, потому что тот был партнером «его» олигарха, и одна из деловых встреч даже проходила как раз на «Посейдоне». Владелец яхты отзывался о Беседине с уважением, что с ним бывало нечасто. Что делал тот в этом странном круизе, да еще отправившись в него в одиночку? Ответа на этот вопрос Олег не знал, но был уверен, что причина существует, и достаточно веская. Такие люди, как Беседин, никогда ничего не делали просто так.

Может, он яхту хочет купить? А может, вообще приценивается именно к «Посейдону»? Данная мысль не привела к учащению пульса. Веденеев давно философски относился ко всем переменам в своей жизни, уверенный, что происходит всегда только то, что должно произойти.

Сменится хозяин судна? Значит, он, Олег, будет работать с новым хозяином. Не сойдутся характерами? Ну, значит, придется искать новую работу. Когда у тебя за спиной нет никого, о ком нужно заботиться, работа и потенциальная зарплата имеют не большое значение.

И все-таки интересно, почему Ида выбрала Китова, а не Беседина. Знает что-то, что позволяет ей делать правильную ставку? Впрочем, на первый взгляд ставка вовсе не казалась такой уж беспроигрышной. Китов не то чтобы совсем не смотрел на яркую соседку по столу, но с гораздо большим интересом следил за действиями Беседина. С готовностью передавал хлебную корзинку, подливал водку в рюмку, опережая Димку, который носился между столами, следил за тем, чтобы беседа не угасала, а была как можно более непринужденной. Да, пожалуй, все его внимание было полностью поглощено Бесединым. Может, он голубой?

На этой мысли Веденееву стало неинтересно. Сексуальные предпочтения пассажиров были совсем уж табу, а потому он отвернулся к другому столику. Сидящая за ним женщина была бледна до неестественности. Высокая, лет под сорок, с каким-то усталым и изможденным лицом, она казалась болезненной, хотя и была довольно полной. Она не переделалась к ужину, оставшись в яркой тунике с крупными ромашками, выглядевшей в полумраке кают-компания довольно неуместно. Даму звали Ириной, и ее каюта номер девятнадцать была самой дальней на главной палубе.

Она почти не ела, лишь катала пальцами шарики из хлебного мякиша, а затем складывала их на край тарелки. Ее взгляд, горящий, как у фанатички, блуждал по залу, не задерживаясь ни на одном лице, но все время возвращался к столику, за которым сидели Беседин, Китов и рыжая Ида. Интересно, а ее-то интерес в чем? Точнее, в ком? За кем из двух бизнесменов она с таким исступлением наблюдает?

Впрочем, Олег, если бы он был азартным человеком, готов был биться об заклад, что предметом наблюдения были вовсе не мирно беседующие мужчины, а именно Ида. В глазах Ирины плескалось какое-то непонятное Олегу чувство. То ли боль, то ли ненависть, то ли зависть. А может, ревность? Неопределенное это чувство было таким ярким, что почти слепило глаза, вырываясь из полуопущенных ресниц Ирины. Ну надо же, какие страсти! Да еще в детективном круизе. Как бы правда не поубивали друг друга.

Мысль мелькнула и ушла, вытесненная служебной необходимостью. Пора было отдавать швартовы и отчаливать. Капитан Олег Веденеев, только что мастерски потушивший начавшийся было разгораться скандал между двумя психологами и их потенциальной паствой, вышел из кают-компания, чтобы отправиться в рубку. У него была работа, которая в отличие от причуд пассажиров имела первостепенное значение.

Первую ночь в море он всегда стоял у штурвала сам, позже позволяя Валентину сменять себя. Ему нравилось чувствовать шум волн, вздымающих яхту на свой гребень и нежно покачивающих ее, как доверившегося усмирённому им чудищу ребенка. Только в море привычная боль, гнездящаяся в груди, отпускала, улетала куда-то ненадолго, позволяла забыть о неизбежном одиночестве. Стоя у штурвала, он никогда не чувствовал себя одиноким, потому что в этот момент их было двое – он и море. До отплытия, а значит, до первой вахты оставалось десять минут.

Он прошел по палубе, на мгновение остановился перед входом в рубку. В прошлой жизни Олег Веденеев в такие моменты всегда выкуривал последнюю перед вахтой сигарету, но курить он бросил полтора года назад, сразу после развода, как будто наложив на себя добровольную епитимию. И теперь просто останавливался на пару минут, вдыхая чуть горьковатый воздух порта, впитывая в себя его звуки и запахи.

На палубе под ним слышались шаги и тихий голос. Такой тихий, что был почти неразличим в портовом многоголосье.

– Он здесь, – сказал голос, видимо, в телефонную трубку. – Твоя информация оказалась верной, так что я тебе должен. Сделай еще то, о чем я тебя просил. Скинь досье, на чем именно я могу его зацепить. Сам понимаешь, времени немного. При самом благоприятном раскладе у меня две недели, а то и меньше. Сойдет в каком-нибудь порту, и ищи его свищи. Нет, мне надо по-быстренькому все обтяпать. Ты уж не подведи.

Послышались еще чьи-то шаги, судя по звуку, женские, и человек быстро свернул разговор и попрощался. Олег выбросил за борт воображаемую сигарету и шагнул внутрь рубки. Личные дела пассажиров его совершенно не касались.

Валентин, его старпом и верный друг, был уже здесь. Его загорелое, немного грубое, словно вытесанное топориком лицо с крупными чертами и черными, как спелая маслина, глазами было сейчас мрачным, почти черным. Точнее, мрачным Озеров казался всегда, поскольку был скуп на эмоции, лишние движения и те самые напрасные слова. Сейчас же его чело и вовсе напоминало предгрозовую тучу, обещающую восьмибалльный как минимум шторм.

– Случилось чего? – поинтересовался Олег, впрочем, аккуратно. Валька был не из тех людей, которые запросто пускали к себе в душу, особенно без приглашения.

Озеров в ответ лишь витиевато выругался.

– Ну, захочешь, расскажешь. Давай врубай музыку. Отчаливаем.

«Посейдон» уходил из портов не под приевшееся «Прощание славянки», а под «Марш нахимовцев». Это была личная традиция Олега Веденева, которого с нахимовцами, впрочем, ничего не связывало. Просто марш был красивый, не такой растиражированный, как другие, да и морской в придачу.

Над яхтой раздались первые бравурные аккорды, и Олег встал к штурвалу, выбросив из головы все лишние мысли, в том числе и об особой угрюмости Валентина. Может, занозу свою не хочет оставлять, кто его знает. О том, что в жизни Озерова появилась новая девушка, и на этот раз «все серьезно», тот сказал Олегу сам, но без подробностей. Олег и не настаивал. Знал, что, когда придет время, друг все расскажет и с красавицей своей познакомит. Видать, и впрямь серьезно, если у Валентина такая тоска в глазах. Или не тоска, шут разберешь.

В тему человеческих взаимоотношений Веденеев в последнее время предпочитал не углубляться. Где-то внутри все еще болело, кололо, чесалось, и он, пользуясь метким выражением писателя Ремарка, творчество которого очень любил, предпочитал не ковырять «марлевую повязку новых впечатлений, ощущений и жизненного опыта», чтобы не выпустить свою боль на свободу. Он бы и рад был простить, но не знал, как. Не умел. И злился на себя за это, поскольку был уверен, что болит именно потому, что он не простил.

Море шумело где-то далеко внизу. Порт остался уже позади, «Посейдон» уверенно и смело рассекал морскую гладь, послушный, как дрессированный пес. Где-то за спиной у Олега

расходились по каютам привлеченные церемонией отплытия пассажиры, готовились к своей первой ночи на комфортабельной и гостеприимной яхте. Все было, как обычно. Вот только холодок, поселившийся где-то в районе косых мышц живота, никак не проходил. Что-то важное, замеченное, но не оцененное со всей серьезностью не давало Олегу покоя, нарушало безмятежность предстоящего двухнедельного плавания, в общем-то, рядового.

«Ладно, разберемся», – сказал сам себе капитан Олег Веденеев и направил яхту в открытое море. Огни Барселоны отдалялись, сливаясь в колышущееся позади яркое марево.

Глава третья

Еще с вечера Марьяна была уверена, что ни за что не заснет. В последнее время она плохо спала, либо не смыкая глаз за полночь, либо просыпаясь, как от толчка, в четыре часа утра – то самое время, когда «силы зла властвуют безраздельно». Ночью одолевавшие ее думы были особенно невыносимы, но то ли легкая качка была тому виной, то ли измученный организм действительно нуждался в отдыхе, но заснула она, как только голова ее коснулась подушки, и проснулась, когда часы показывали уже восемь утра. Можно идти на завтрак.

К еще большему своему изумлению, Марьяна поняла, что проголодалась. Ела она так же плохо, как и спала, потеряв за последний месяц чуть ли не пять килограммов. Аппетита не было совсем, а когда она пробовала кормить себя насильно, еда просилась обратно, явно не желая усваиваться. Сейчас же у нее даже в животе урчало от голода, и мысли о сервированном в кают-компании завтраке были приятными и даже волнующими.

Наскоро приняв душ и натянув легкие белые брючки и полосатую майку (а что, она же в море), Марьяна пару раз провела щеткой по волосам и выскочила из каюты, не утруждая себя тем, чтобы накраситься. Никому это не надо, и ей в первую очередь.

На палубе было свежо. Яхта шла на довольно приличной скорости и, судя по расписанию тура, должна была прибыть в Марсель около полудня, то есть (Марьяна снова посмотрела на часы) через три с половиной часа. Вполне достаточно времени, чтобы позавтракать, а потом поплавать в бассейне и понежиться на верхней палубе.

Жить без четкого плана на день Марьяна не умела, а потому, выстроив логику хотя бы первой половины дня, почувствовала себя увереннее. В ресторане никого не было. Лишь вчерашняя стильная пожилая дама сидела за своим, то бишь капитанским, столиком и в некоторой задумчивости ела омлет, такой воздушный, что у Марьяны рот моментально наполнился слюной.

– Доброе утро, – вежливо сказала она, понимая, что в силу возраста обязана здороваться первой.

Дама приветливо помахала ей рукой с зажатой вилкой.

– Доброе утро, садитесь ко мне. Вместе веселее.

– Не знаю, разрешают ли правила садиться за чужой столик, – засомневалась Марьяна, которая в давней своей жизни никогда не нарушала правил.

– Можно-можно, – сообщил подлетевший к столику стюард Дима. – Рассадка только за обедом и ужином жесткая, а завтракают же все в разное время, так что вы никому не помешаете. Тем более что Марк уже позавтракал.

– А капитан? – уточнила Марьяна.

– А Олег Алексеевич только час назад ночную вахту Валентину сдал. Я ему кофе сварил, он выпил и спать ушел. Теперь до прибытия в порт не появится. Садитесь. Вам омлет или кашу? А еще могу сосиски принести или бекон жареный. Или что вы еще хотите? Меню на столе.

В легкой, стильно оформленной папочке числились, похоже, все яства мира, однако Марьяна, наскоро пробежав список глазами, остановилась на омлете, оладьях с медом, свежих ягодах со взбитыми сливками и кофе с молоком. Дима убежал выполнять заказ, а Марьяна устала в выходящее на палубу окно.

– Ну, и что вы про это думаете? – нарушила молчание дама, которую, как вспомнила Марьяна, звали Галиной Анатольевной.

– Про что именно?

Дама сделала небольшой глоточек кофе и ткнула вилкой в дальний столик, за которым вчера вечером сидели две школьницы, Полина и психолог Михаил Дмитриевич. Сейчас столик пустовал, но на нем цвела пышная роза.

– Про розу? – уточнила Марьяна. – Так она и вечером здесь стояла.

– Вечером была другая, вы что, не видите?

Действительно, Марьяна только сейчас заметила, что в узкой вазочке на столике стоит розовая роза, не белая, как вчера. Значит, за ночь ее кто-то поменял? Зачем? И предназначена ли роза вновь Полине?

– Вижу, – согласилась Марьяна и приняла у Димы протянутую тарелку с омлетом. Запах от него исходил просто упоительный.

Думать про омлет было гораздо приятнее, чем про розу, и Марьяна даже пожалела, что не уселась на свое законное место. Глядишь, и поела бы спокойно.

– Я, наверное, покажусь вам выживающей из ума старухой, но я более чем уверена, что обещанный нам в плавании детектив уже начался. Единственное, что хотелось бы понять: это замысел организаторов или действительно что-то происходит?

Марьяна покосилась на Галину Анатольевну. На старуху та не тянула вовсе. Худенькая, с немыслимо стильной стрижкой и в огромных кольцах, других, не тех, что вчера, но удивительно подходящих к тому наряду, который был на ней сейчас. Наряд же как нельзя лучше подходил к раннему средиземноморскому утру. С чем-чем, а со вкусом у нее все было хорошо.

– А что происходит? – спросила Марьяна. – Я ничего такого не заметила.

– Ну что вы, – дама многозначительно засмеялась, подождала, пока вновь появившийся в кают-компании Дима расставит принесенные тарелки, креманки и чашки и снова удалится, и заговорщически понизила голос: – Кто-то меняет розу на одном-единственном столике, и я должна заметить, что девушка, которой она предназначена, вовсе этой розе не рада. Кроме того, с девочками явно что-то не так.

– Олей и Тоней?

– Да, тут нет других детей.

– Боже мой, а с ними-то что не так? Обычные подростки, причем довольно вежливые и воспитанные.

– Да. По нынешним временам редкость. – Галина Анатольевна сделала еще один малюсенький глоток кофе. – Вот только одна из них называет эту милую женщину, Елену, мамой, а вторая – Григория Петровича папой. Или этого вы тоже не заметили?

– Ну и что? Елена и Григорий – муж и жена, почему девочки не могут называть их мамой и папой? Тоня – дочка Елены Михайловны, я это точно знаю.

– Да. Верно. Вот только Оля – дочка этой неприятной громкоголосой дамы, Маргариты. То есть сестрами они быть не могут, но к вашим соседям по столу обращаются «мама» и «папа».

– А ведь верно. – Марьяна от изумления чуть не подавилась омлетом. – Получается, что Григорий Петрович путешествует с двумя своими женами – настоящей и бывшей?

– Получается. И это очень странно. В подобные путешествия не отправляются с врагами.

– А может, они и не враги вовсе. Бывает же, что при расставании люди остаются друзьями? – К концу фразы голос Марьяны упал до шепота, потому что она ни на минуту сама не верила в то, что говорила.

Ее опыт, недавний, еще не забытый, вопил, визжал, орал, как пароходная сирена, что расстанутся всегда врагами, сжигая за собой все мосты. Какое уж тут совместное путешествие! Она представила, что сейчас ей пришлось бы плыть на одной яхте с Гордоном, две недели встречаться за обедом и ужином, вместе ездить на экскурсии и проводить вечера в кают-компании. Ее тут же так сильно затошнило, что она даже отложила вилку. Золотистый пышный омлет вдруг приобрел вид и вкус картонной подошвы.

– Деточка, так, конечно, бывает, хотя бы потому, что в этой жизни бывает все, – сказала Галина Анатольевна, не заметившая ее изменившегося настроения. – Но это не тот случай.

Эти две дамы – Елена и Маргарита – ненавидят друг друга лютой ненавистью. Их взаимные взгляды испепелить могут. Поэтому зачем они вместе поехали в отпуск – это большой вопрос.

– Насчет них я не знаю, а вот про Полину вы, пожалуй, правы, – задумчиво сказала Марьяна. – Я вчера случайно подслушала один ее разговор, из которого вытекало, что она кого-то сильно боится.

И Марьяна пересказала Галине Анатольевне беседу, свидетелем которой нечаянно стала.

– Любопытно, – сказала пожилая дама, когда она закончила. – Очень любопытно. Как и то, что здесь делает Аркадий.

– Аркадий? Это такой богатый мужчина с бородкой и в дорожной рубашке?

– Ха! Богатый! Аркадий Беседин – не просто богатый, а очень богатый человек. Фактически олигарх. Так получилось, что я встречала его в доме моего... скажем так, зятя. Уверяю тебя, увидеть его на такой посудине, как «Посейдон», несомненно, можно. Но только снять он ее должен целиком, а не путешествовать в непонятном круизе с непонятными попутчиками. Один, без охраны, без секретаря и прочего сопровождения. Это очень странно. Очень. Немыслимо, я бы даже сказала. Кстати, дорогая моя, а почему вы – такое прелестное создание – и тоже путешествуете одна?

Обильно политый медом оладушек колом встал в горле. Марьяна закашлялась, схватила стакан с соком, предусмотрительно принесенный Димой, хотя она его и не заказывала, сделала большой глоток. На глазах у нее выступили слезы. Галина Анатольевна заботливо и бесцеремонно похлопала ее по спине.

– Извините, если я лезу не в свое дело, – покаянно сказала она. – Просто мне пришло в голову, что, быть может, именно с вами у Аркадия здесь тайное свидание. Из всех дам женского пола, которых я вчера имела счастье лицезреть, вы подходите на роль его спутницы больше всего.

– Почему? Неужели я выгляжу как охотница за олигархами? – неприятно поразились Марьяна.

– Нет, просто вам очень бы пошли большие деньги. Но, судя по вашей реакции, я ошиблась. Забудем об этом.

– Нет, я расскажу.

От необходимости постоянно скрывать от всех, что у нее на душе, Марьяна уже так устала, что возможность выговориться вдруг показалась ей сказочной. Не может человек в одиночку тащить такой груз. Не должен. Так пусть же сработает синдром попутчика. С этой Галиной Анатольевной они проведут вместе две недели и разъедутся, чтобы никогда не увидеться вновь. Значит, ей можно рассказать обо всем, что не дает спать по ночам. Может быть, она не просто поймет, а еще и посоветует что-нибудь, от чего станет хоть немного легче.

– Я рассталась с человеком, которого очень любила, – медленно сказала Марьяна, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Боялась, что наружу снова вырвутся слезы, удерживаемые внутри невероятным усилием. – Я никогда не думала, что способна так любить. Ради него я пошла на преступление – облила кислотой очень милую и хорошую женщину, которую отчаянно к нему ревновала. Напрасно, кстати. У нее был роман с совсем другим человеком. И сейчас они счастливо живут в Лондоне, собираются пожениться. У них все хорошо.

– В Лондоне? – живо поинтересовалась Галина Анатольевна. – А он что, тоже олигарх?

– Нет, он преподаватель литературы, просто англичанин. И мой возлюбленный тоже англичанин, только инженер. Они оба по работе оказались в нашем городе, и там все и закрутилось. В общем, Гордон (мой Гордон), когда узнал, на что я оказалась способна, заинтересовался мной, и у нас действительно начался роман, о котором я так страстно мечтала. Его не

испугал мой поступок, понимаете? Сама я была в ужасе, потому что не подозревала, что во мне такая бездна зла ¹.

– Мы все многого о себе не знаем, – тихо сказала Галина Анатольевна и погладила Марьяну по руке, поддержала. – Омуты нашей души скрывают все наши страхи и сомнения, все наше отчаяние. Но никто не знает, когда они затянут нас на самое дно и поглотят с жирным чмокающим звуком. Как трясина на болоте. Не казись, девочка. Ты же сделала выводы. Правильные выводы. И это главное. А поступок твой уже в прошлом. И то, что сделала ты это из любви, многое оправдывает. Не все, конечно, но многое.

– Из этого все равно ничего хорошего не получилось, – с отчаянием призналась Марьяна. – В общем, я даже съездила к нему в Лондон, познакомилась с его семьей. Я была так счастлива, что мне казалось, что еще чуть-чуть – я оторвусь от земли и полечу. А потом...

Слезы все-таки потекли у нее по щекам. Мелкие, злые... Она промокнула их бумажной салфеткой, скатала ее в мокрый комочек. Галина Анатольевна снова погладила ее по руке, придавая мужества.

– В общем, у меня случилась задержка, и я решила, что беременна. Я так обрадовалась, вы себе даже представить не можете. Я целый день представляла, как Гордон придет с работы, и я ему скажу. Я даже бабушке его разболтала, дура. У него такая классная бабушка! Очень старенькая, но удивительная. И она тоже радовалась вместе со мной. И мы придумывали малышу имя. Мальчику. Мы были уверены, что это будет мальчик.

Она снова заплакала, горько-горько, не в силах рассказывать дальше. Тот день вставал перед глазами, выключая краски и звуки окружающего мира. Все становилось пыльным, серым, точнее, даже не серым, а блекло-коричневым, как будто старая фотография, выполненная в сепии.

– А потом этот твой Гордон пришел с работы и сказал, что тебе нужно сделать аборт, – Галина Анатольевна выговорила за Марьяну самое страшное.

– Да. Он даже не понял, почему я категорически отказываюсь. Он сказал, что все мои рассказы про неземную любовь и его продолжение в будущем ребенке – это все розовые сопли. Что он впустил в свою жизнь совсем другую женщину. Ту, что способна плеснуть кислотой в соперницу, отстаивая свою территорию и свои интересы. Понимаете, именно это напугало меня по-настоящему. Ему нужна была подлая и беспринципная мразь, которой я была, пусть и совсем недолго. Ему не нужна была я – настоящая, способная на нежность и искреннюю любовь.

– И ты предпочла уехать...

– Да. Я не могла пожертвовать ребенком ради призрачной попытки стать счастливой с Гордоном. У нас все равно бы ничего не вышло, потому что ему нужна совсем другая я. Та, что вызывает у него восхищение, в меня вселяет ужас. Я уехала домой, но мне было так плохо, что я не могла работать. И разговаривать ни с кем не могла. И тогда мой начальник (вы знаете, у меня отличный начальник, редкая умница, интеллигент, настоящий мужчина) купил мне этот тур, чтобы я развеялась и проветрила мозги. Поэтому я здесь. И поэтому одна.

– А ребенок?

– Да не было никакого ребенка. Это была ложная тревога, и когда я вернулась домой, это очень скоро выяснилось. Так что у меня не стало ни Гордона, ни ребенка Гордона. Ничего.

– Все у тебя еще будет, девочка моя. – Галина Анатольевна нажала на кнопку вызова стюарда, которой был оснащен каждый столик. – А пока давай выпьем кофе и перестанем думать про плохое. Гораздо приятнее думать про интересное. К примеру, про разворачивающийся здесь детектив. Скажу тебе по секрету, лавры мисс Марпл никогда не давали мне покоя.

---

¹ См. роман Л. Мартовой «Вселенная на двоих».

Она заговорщически улыбнулась Марьяне и деловито повернулась к подскочившему к их столику Диме. Отхлебнув огненный и очень вкусный кофе, Марьяна впервые за последние полтора месяца вдруг подумала о том, что жизнь, если вдуматься, вовсе не такая уж и плохая штука.

* * *

Марсельский порт оказался местом шумным и грязным. Впрочем, Марьяна решительно настроилась на то, что ей все понравится. Уж если поехала в круиз, будь добра, открой сердце и голову новым впечатлениям. Марк собрал всех, кто принял решение сойти на берег, у трапа. На яхте оставалась лишь команда, да еще Артем Репнин, сославшийся на головную боль и заявивший, что не спал всю ночь, а потому теперь намерен постараться уснуть.

– А нечего было полночи смотреть телевизор в кают-компании, – разглагольствовала его жена Рита, объясняя причину отсутствия мужа. – Нет, понятно, что в каюте я включить телевизор не разрешила, я бы тоже не смогла уснуть. До четырех утра просидеть в полном одиночестве, чтобы теперь пропустить экскурсию и шопинг? Нет, этого я не понимаю. Но пусть побудет один. Хозяин – барин.

– Бедный папочка, – сообщила Тоня, в голосе которой, Впрочем, не было слышно особой жалости. – И ресторан пропустит.

– Какой ресторан? – живо спросила Ида, выглядящая сегодня еще более ярко и призывно, чем вчера. Она ни на шаг не отходила от Алексея Китова, о чем-то беседующего с Аркадием Бесединым. – Разве мы не на яхте обедаем?

– Дамы и господа, я все расскажу. – Марк поднял вверх обе руки: – Минуточку внимания. Сейчас мы с вами начнем пешеходную экскурсию в районе Старого порта. Если кто-то из вас предпочитает погулять по Марселю самостоятельно, то вам нужно добраться до города на такси или на специальном автобусе. Сразу предупреждаю: если скооперироваться, такси обойдется дешевле.

Аркадий Беседин громко засмеялся. Марк покосился на него и продолжил:

– Обед у нас запланирован в одном из ресторанов Старого города, где нас ждет главное марсельское блюдо – буйабес. Но вы можете поесть самостоятельно, где захотите, или вернуться на корабль. Наш кок Юрий уже готовит обед для тех, кто примет такое решение. А его буйабес, как сказал капитан, ничем не хуже марсельского.

– Мам, а что такое буйабес? – спросила Тоня у Елены.

– Классическое блюдо средиземноморской французской кухни. В России ее принято называть марсельской ухой.

– У-у-у, рыбный суп, – в голосе Тони послышалось разочарование.

– Ну, не совсем, милая барышня, – рассмеялся Марк. – Это удивительный деликатес, фактически легенда, хотя, когда несколько столетий назад марсельские рыбаки только начинали варить этот суп, складывая в него для наваристости все, что осталось от непроданного улова, они даже не подозревали, что тем самым делают шаг в историю. Главное в буйабесе красная рыба, хотя в настоящую марсельскую уху кладут до сорока видов рыбы. В дело идет и колючая морда, и чешуя, и плавники, и хвосты. Кроме того, обязательно добавляют крабов, мидий, маленьких осьминогов и, конечно, креветки. Секрет буйабеса в том, что в него еще обязательно крошат мякиш белого хлеба. Рыбаки были людьми бедными, поэтому добавляли хлеб для сытности. Так и осталось. В городе есть рестораны, в которых в буйабес кладут дорогие виды рыбы и даже омаров, так что там стоимость порции доходит до двухсот евро.

– Что ж, я тогда определился. Я поеду в такой ресторан. – Беседин потер руки. – Нет, ну а в самом деле, не таскаться же пешком на никому не нужной экскурсии. Машину я уже заказал. Кто со мной? Марьяна? Полина? Галина Анатольевна?

Выбор олигарха Марьяну позабавил и потешил ее самолюбие. Из всех пассажиров яхты он пригласил с собой только их троих. Она вопросительно посмотрела на пожилую даму, которая волею судьбы стала ее наперсницей в этом путешествии.

– Нет, я на экскурсию, – покачала головой та. – Буйабес за двести евро меня как-то мало привлекает.

– Я приглашаю. – Беседин снова улыбнулся.

– Нет, спасибо. У меня есть двести евро, просто я считаю трату таких денег на еду кощунством.

– Спасибо, я останусь с Галиной Анатольевной, – сказала Марьяна.

– А можно нам с Алексеем присоединиться к вам? – жеманно растягивая слова, спросила Ида. – Хотя я честно предупреждаю, что за такой суп сама заплатить не в состоянии.

– Пожалуйста. – Беседин сделал приглашающий жест рукой и посмотрел на Полину.

– Нет, благодарю, – усмехнулась та. – Я тоже предпочитаю экскурсию и умеренность в еде.

– До города меня довезете? – спросил у олигарха Михаил Дмитриевич. – На ресторан я тратить время не хочу, но и обычная экскурсионная программа меня не интересует. Я хочу побывать на улице Эдмона Ростана, в знаменитом квартале антикваров.

– Это который «Сирано де Бержерак» написал? – спросила Елена.

– Он самый. В этом квартале расположено множество антикварных магазинов, давно хотел на них посмотреть, потому что у каждого из них своя особая изюминка, своя фишка. Один занимает лестничную клетку в жилом доме девятнадцатого века, второй – маленький дворик, уставленный книжными полками. Да и концепт-сторов тут немало. Например, недавно новый «Jogging Jogging» был открыт знаменитым парижским фотографом Оливье Амселлем. Кстати, там и поесть можно, в обеденное время все магазины выставляют столики на улицу, чтобы покормить посетителей. Не отходя от кассы, так сказать.

– О-о-о-о, – я тоже туда хочу, – закатила глаза к небу Рита. – Михаил Дмитриевич, возьмите меня с собой! Лена, Гришка, мне кажется, вам тоже надо это увидеть.

– Нет, спасибо, – чуть резче необходимого сказала Елена. – Мы отправимся на экскурсию.

– А девочки?

– И девочки тоже. Не помешает посмотреть место, с которого началась история Марсея. В конце концов эта поездка должна иметь хоть какой-то смысл. Оля, Тоня, греки-финикийцы высадились здесь за шестьсот лет до нашей эры и основали колонию. А в тринадцатом веке в порту уже работала верфь, на которой производили военные суда. Мы все это сможем посмотреть, и замок Иф тоже. Тот самый, где Эдмон Дантес провел четырнадцать лет.

Рита демонстративно фыркнула:

– Какая же ты зануда, Ленка! Какой была, такой и осталась.

– Да уж какая есть. Кстати, Ритуля, тебе не нужно в квартал антикваров. Ты все равно ничего не понимаешь в антиквариате. Тебя ждет Кур-Жюльен. Это пешеходная улица, на которой расположены авторские магазины одежды и украшений, мыловаренная фабрика и крафтовый паб. Ты же любишь пиво.

– В общем, довезите меня до города, – заявила Рита сердито, отворачиваясь от Елены. – Девочки, вы со мной?

– Нет, мы с мамой, – сказала Тоня, а Оля, как обычно, предпочла промолчать. Только взяла подругу за руку.

В группе, следующей за Марком, остались лишь Ковалевы с двумя девочками, Марьяна, Галина Анатольевна и Полина. Остальные гуськом потянулись за уверенно шагающим Бесединым, заказавшим микроавтобус. Да еще куда-то исчезла полная, вечно напряженная Ирина. Словно сквозь землю провалилась вместе со своими огромными ромашками на тунике.

– Ну что ж, сейчас я возьму воду на всех участников нашей экскурсии и приду, – бодро сообщил Марк. – Подождите меня.

– Давайте-ка, милая моя девочка, отойдем в тень, а то стоять на солнцепеке не очень-то полезно для здоровья. – Галина Анатольевна потянула Марьяну к стоящему неподалеку киоску, торгующему сувенирами. – Заодно и магнитик на холодильник купим. На память.

– Вы собираете магнетики? – засмеялась Марьяна, которой очень нравилась эта пожилая женщина.

– Нет, но без их покупки любое путешествие утрачивает большую часть своего очарования, – тоже засмеялась та.

Они вдвоем уткнулись в витрины, заставленные всякой всячиной. Из-за киоска послышался голос, негромко говорящий по-русски, и Марьяна непроизвольно напрягла слух. Она без труда узнала голос Полины, разговаривающей по телефону.

– Спасибо тебе за эту ночь, – быстро, чуть задыхаясь, сказала та. – Я была так счастлива, что даже на время забыла, что ничего не кончилось. Мне так грустно думать, что в ближайшее время мы не сможем этого повторить. Что? Нет, я не могла не пойти на эту дурацкую экскурсию, потому что, ты же знаешь, я не должна привлекать к себе внимания. В дневное время я должна быть вместе со всеми. Таковы условия контракта. Когда ты снова сможешь так устроить, чтобы мы провели ночь вместе? Думаешь, что дня через четыре? – Она ненадолго замолчала, будто что-то подсчитывая в уме. – Это ужасно долго, любимый. И кроме того, я думаю, что к этому времени меня уже убьют.

Бриллианты – лучший повод для убийства. Их блеск завораживает. Их баснословная цена сводит с ума. Во всех детективах обязательно охотятся за бриллиантами. Ищут их. А еще большой огромный нож.

* * *

Всей компанией на яхте собрались только к ужину. Олигарх Аркадий выглядел сытым и от этого немного сонным, Алексей Китов довольным и возбужденным одновременно, Ида улыбалась, как наевшаяся сметаны кошка, Рита была обвешана какими-то коробками и пакетами, свидетельствующими о том, что шопинг прошел удачно, Ирина выглядела запыхавшейся, а Михаил Дмитриевич хвастался купленной гравюрой конца девятнадцатого века.

– А как ваша экскурсия? – спросил он у Марьяны, явно из вежливости.

Как раз об экскурсии Марьяна мало что могла рассказать, поскольку большую ее часть они с Галиной Анатольевной провели, украдкой обсуждая разговор, нечаянными свидетелями которого стали.

– Как вы думаете, с кем она разговаривала? – спросила Марьяна, когда они с пожилой дамой отстали от остальной группы на безопасное расстояние. – Мне кажется, что у нее на корабле любовник.

– Это как раз сомнений не вызывает. – Галина Анатольевна выглядела задумчивой и немного мрачной. – Такая молоденькая девушка не отправляется в путешествие одна. Я и по поводу тебя удивлялась, но ты мне все объяснила. А она? Ей от силы двадцать лет. Зачем ее понесло в такой круиз без кавалера и даже без подруги? Да еще роза эта... И тот разговор, что ты слышала вчера. Так что наличие любовника, считай, установлено. Интересно, кто он.

– Вы знаете, – Марьяна еще понизила голос, – я думаю, это Артем, муж Риты.

– С чего ты взяла? – В голосе пожилой дамы послышалась насмешка.

– Ну, он же не ночевал в своей каюте. Вы помните, его жена утром сказала, что он вернулся под утро и не выспался настолько, что даже остался на яхте, вместо того чтобы пойти на интересную экскурсию.

– С тем же успехом Полина могла ночевать в каюте любого другого мужчины, включая всех пассажиров, пожалуй, кроме Григория Петровича, и членов экипажа. Хоть в каюте капитана.

Мысль о том, что любовником Полины был капитан «Посейдона», отчего-то неприятно царапнула Марьяну. Странно, ей нет до него никакого дела. Она независимо дернула плечиком и, немного подумав, сказала, радуясь, что смогла поймать свою собеседницу на логической ошибке:

– Нет, не могла. Она спрашивала, когда этот мужчина сможет встретиться с ней в следующий раз. Любой одинокий пассажир не должен выгадывать для этого время. У него в распоряжении собственная каюта. А что касается капитана, то он вообще в рубке был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.